

Литрес

ВЛАДА ОЛЬХОВСКАЯ

ШИДОНАЙ СИРОТА

ЧАСТЬ 2

ВЕЧНЫЙ ФАНТОМ

Северная корона

Влада Ольховская

**Шидонай-Сирота. Часть
2. Вечный Фантом**

«Влада Ольховская »

2024

Ольховская В.

Шидонай-Сирота. Часть 2. Вечный Фантом / В. Ольховская —
«Влада Ольховская », 2024 — (Северная корона)

Пока одни готовы защищать Марс любой ценой, другие с легкостью пожертвуют целой колонией, чтобы добыть скрытое в ней оружие. Битва за новую форму жизни идет на разных уровнях, от судов до космических столкновений, а ее итогом может стать смена порядка на всех обитаемых планетах.

© Ольховская В., 2024

© Влада Ольховская , 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	38
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Влада Ольховская

Шидонай-Сирота. Часть 2. Вечный Фантом

Глава 1

Планеты-бродяги умели восхищать. Космос – это мир гигантов, но даже гиганты зависят друг от друга. Они притягиваются, соединяются общей системой, одно тело неизбежно влияет на другое. Даже маленькая Луна определяет на Земле очень многое... Но так нужно, так чаще всего лучше и проще.

А бродяги сами по себе. Они не могут согреться в уютном свете родной звезды, им не упрощает жизнь верный спутник. Они летят сквозь бесконечные пространства с правом рассчитывать только на себя. Это дорога без цели – и всегда в один конец. Все, что находится на бродяге, удерживается силой ядра, вокруг которого была рождена планета. Но однажды сила ядра исчерпает себя, планета-сирота погибнет, это вопрос времени, однако такого времени, которое по меркам человека кажется вечностью.

Впрочем, убивает бродяг не только время. Они ведь тоже разные, и некоторые изначально слишком слабые. Они не защищены от всех опасностей космоса и могут быть уничтожены еще в пути. А могут оказаться там, где не следовало... Например, в войде.

Обо всем этом размышлял Матео, когда шла финальная подготовка «Данте-9». Он уже сделал все, что мог, теперь машину осматривал Кай – у парнишки подготовка механика была лучше. Ну а электрокинетик просто настраивался на то, что его ждет, и наблюдал за рокочущей планетой через иллюминатор.

Шидонай и правда оказался уникальным. Даже лучшие ученые не смогли определить его происхождение и суть, а Матео даже не пытался. Он просто видел, что энергии в этой планете еще на миллионы лет. Интересно, сколько она выдержит путешествие по войду? И есть ли вообще в пустоте понятие времени?

Хотя для их миссии это не так уж важно. Они находились у внешней границы войда, здесь компьютер не фиксировал никаких серьезных искажений. Пугала разве что непроницаемая тьма, раскинувшаяся впереди, но это человеческая реакция, а не знак объективной угрозы.

Матео сначала тоже поддался страху, глядя на такое чистое, абсолютное воплощение самой смерти. Но теперь это прошло. Нет, он не зарядился непробиваемым оптимизмом и верой в то, что все будет хорошо, раз уж они добрались так далеко. Он знал, что все они могут погибнуть, и что он – первый кандидат.

Однако эта мысль теперь воспринималась как объективное знание, не имеющее лично к нему никакого отношения. Он ведь изначально присоединился к этой миссии не для того, чтобы прославиться. Он готов был сделать все, что в его силах, и тут он оставался верен своему слову.

– Можно начинать! – объявил Кай. – Лучше это ведро даже я не сделаю.

Тем, кто оставался на «Северной короне», тоже предстояло стать не простыми наблюдателями. Шидонай, привыкший к одиночеству, оказался не самым радушным хозяином. Как только корабль пересечет горизонт событий, он окажется в хватке планеты, которая постарается притянуть его к себе, погрузить в вечные грозы, раздробить ветрами, полными острых камней, сжечь пламенем молний... Так что «Северной короне» предстояло перейти с автопилота, который наверняка с этим не справился бы, на ручное управление и держаться на тщательно просчитанном расстоянии.

Не слишком близко, чтобы Шидонай не сожрал ее. Но и не слишком далеко, чтобы не оборвались тросы, связывающие с ней капсулу.

Тросов было семь: три старых, изначально прикреплявшихся к «Данте», и четыре новых, которые Кай отыскал на складе «Северной короны». Для путешествия на какую-нибудь планету-океан этого было бы более чем достаточно даже без подстраховки телекинетика. Но создатели «Данте» вряд ли предполагали, что кто-то додумается исследовать на нем газовый гигант.

Внутри капсула оказалась не такой убогой, как ожидал Матео. Да, салон был крошечным, но это не значит, что три человека должны были провести путешествие тесно прижатыми друг к другу. Их личное пространство сводилось к креслам, но креслам вполне комфортным, со всей необходимой защитой – разумеется, по разработкам семидесятилетней давности. Если учитывать, что внутри будут находиться обладатели специальных способностей высшего порядка, этого должно быть достаточно.

Его спутники в этой самоубийственной вылазке тоже оставались спокойны. В случае Альды иного и ожидать не приходилось: Матео с самого начала понимал, чего она хочет и на что ради этого пойдет. Он бы сделал то же самое, если бы у него появился хотя бы один шанс вернуть Эстрид... Хотя какой смысл думать о невозможном?

Если что и удивляло, так это спокойная уверенность Стефана. Он не обязан был участвовать в этом, он мог бы отказаться. Легионеру полагалось подчиняться только тем приказам капитана, которые были связаны с его основным заданием: защитой команды. И Стефан Северин не производил впечатление человека, который рискнет жизнью ради идеи, особенно чужой.

Но когда возникла необходимость, он вошел в капсулу без сомнений и колебаний.

Никаких иллюминаторов внутри не было – и это вполне естественно для защитной капсулы такого уровня. Но не было и наблюдательных камер, как у современных «Стрел». При спуске им предстояло полагаться на сухой, прописанный текстом набор компьютерных данных, полученных через сканеры.

И все равно они увидят этот мир, каждый по-своему. Матео понятия не имел, на что способны в этом отношении его спутники, а он полагался на энергию.

Энергии у Шидоная хватало – и такой, какая встречалась на Земле, и свойственной только ему. Второе могло стать проблемой: как сражаться с тем, чего не понимаешь? Но Матео обладал двоякой способностью к контролю энергии и надеялся, что этого будет достаточно.

Никто не произносил напутственную речь и даже не желал им удачи. Капитан вообще не провожала их лично, она уже была в кабине пилотирования. За подготовкой наблюдали только Ателлиры и Делия. В какой-то момент Матео допустил, что телекинетик обратится к Альде – это же все-таки ее дочь! Однако Делия следила за происходящим с легким любопытством и словами материнской мудрости сыпать не спешила.

Ну а потом мир ограничился тесным салоном – и больше ничем. Матео сделал несколько глубоких вдохов и медленных выдохов, чтобы приспособиться к сухому горячему воздуху капсулы. Он ждал.

Момент, когда капсула покинула корабль, упустить было невозможно: «Данте» резко дернулась, когда разомкнулись страховочные крепления. Но потом движение снова стало плавным, почти не ощутимым внутри. Капсула летела через космос к планете, кабели работали как надо. Однако и обратный отсчет уже начался: Матео ощущал приближение могущественного источника энергии.

Место для спуска они выбрали не просто так. Никакая часть Шидоная не могла считаться мирной, не было здесь территории затишья. Зато были совсем уж грандиозные штормы, во многом как на Юпитере. Они пялились в космос круглыми глазами бурь, не утихавших тысячелетиями. Там капсула продержалась бы от силы минут пять, и то с подстраховкой.

Так что они предпочли сторону планеты, которую можно было назвать благоприятной – там собралось чуть меньше способов превратить человека в фарш. Насколько понял Матео, легионер мог чувствовать ту дрянь, которую они ищут, и он определил, что в этой части пла-

неты она есть. Электрокинетик в такие вопросы не лез, за поиск и навигацию предстояло отвечать не ему, его задача – уберечь капсулу.

Именно ему пришлось действовать первым. Шидонай наконец принял их – верхним слоем, полным тяжелых, будто сплошной пеленой лежащих облаков. Казалось, что там ничего особо опасного не будет, что электрокинетика рано напрягаться. Однако Матео прекрасно помнил волны энергии, проходящие по планете. Это нечто как раз скользит по верхним слоям, и для крошечного кораблика, полагающегося на компьютерные технологии, оно может оказаться непередаваемо опасным.

Его догадки подтвердились, когда налетела первая волна. Она оказалась сильной, тряхнула капсулу – но не более. Матео сумел использовать ее же энергию, чтобы окружить «Данте» защитным полем. Он подозревал, что капсула теперь светится снаружи – как будто на ее поверхности полыхает ярко-зеленое пламя, особенно заметное среди рыжеватых туч. Однако проверить это все равно никто не мог.

Планета была огромной, значительно больше Земли, поэтому прохождение каждого слоя ее атмосферы отнимало долгие часы. Впрочем, Матео их почти не чувствовал. Он постоянно находился при деле, ему было не до наблюдения за временем. Глаза он уже не открывал, смотреть в салоне было не на что, а когда зрение стало бесполезным, разум мог сосредоточиться на энергии внешнего мира.

Они летели через облака и слои тумана, через абсолютную тьму туда, где хоть какой-то свет появлялся благодаря вспышкам молний. Эти молнии были опасными, куда могущественнее, чем на любой другой планете, Матео еще ни с чем подобным не сталкивался. К счастью, сама их природа не сильно отличалась от земной, электрокинетика не нужно было поглощать их или противостоять им напрямую, он просто управлял их направлением, и они щадили капсулу, порой даже защищали ее.

Наконец легионер объявил:

– Это здесь. Ниже не надо.

Они оказались на территории, которую Матео про себя называл «долиной ветров». Разумеется, никакой долины в привычном понимании тут не было – Шидонай в целом был лишен тверди. Однако ураганы бушевали с такой силой, что на этом слое разгоняли облака и летели вперед сквозь пустоту бешеной стаей. В себе они несли жидкость, нечто твердое, – Матео лишь ощущал это, проанализировать состав не мог, – и... жизнь. Жизнь электрокинетик как раз не чувствовал, но не сомневался, что она здесь. Порожденная непонятно чем, укутанная в грозы Шидоная, как случайный, неожиданный и оттого особенно любимый ребенок.

Эту жизнь им предстояло поймать, и Матео надеялся, что все произойдет быстро. Молнии здесь били не так сильно, однако капсулу все равно было от чего защищать. Электрокинетик еще не чувствовал слабости, однако заметил то неприятное тепло, которое появлялось, когда прогревались кости...

Пока терпимо, скоро станет плохо. Матео не говорил об этом, потому что никого не хотел пугать, знал, что его спутники и так торопятся. Но сам он уже не мог уйти от неприятной правды: до момента, когда он сгорит изнутри, оставалось не так уж долго.

* * *

Аделина знала, что справится. Она ведь всегда справлялась – с тем, что многих легко сломало бы. Ей просто нужна была пауза, момент тишины, шанс обдумать все, что случилось. Ну а потом она снова начнет действовать и побеждать.

Получить эту паузу она могла лишь за пределами станции, здесь стало слишком опасно. Многие уже косились на нее с подозрением и недоумением. Она знала, что у ее нанимателей

полно шпионов, которые сейчас способны сделать ее жизнь очень некомфортной. Так что для начала Аделине требовалось обеспечить собственную безопасность.

К счастью, она еще со студенческих лет привыкла готовиться ко всему. Она знала небольшую колонию, в которой сможет укрыться, у нее был собственный корабль для дальних перелетов. Дело оставалось за малым: вернуться в свои апартаменты, собрать самые необходимые вещи, основной багаж оставить, делая вид, что она улетает ненадолго и вот-вот вернется. Тогда ее, скорее всего, не станут преследовать сразу. А когда сообразят, что возвращаться она не собирается, что ей просто плевать на брошенные шмотки, будет уже поздно.

Это был отличный план, который мог сработать – но сорвался на первом этапе. Когда Аделина добралась до своей комнаты, ее там уже ожидали.

Валентин Вернон устроился за ее рабочим столом так свободно, будто апартаменты принадлежали ему. В кресле напротив с чашкой кофе сидела его секретарша. Когда Аделина вошла и замерла на пороге, пораженная, у этой стервы еще хватило наглости помахать ей рукой.

– Смотри, Вал, а вот и девочка! – объявила она.

Сбежать или нет? Сбежать хочется – отчаянно, до болезненного напряжения в мышцах. Но нельзя, по-прежнему нельзя. Вернон никак не мог оказаться тут, Аделина не сомневалась, что он еще в основном зале, к нему у многих наверняка возникли вопросы, он должен быть занят!

Однако он продемонстрировал ей, что способен на невозможное. Сбежать от него не получится, говорить они все равно будут, вопрос лишь в том, на каких условиях.

Поэтому Аделина заставила себя подавить страх, прикрыла дверь, вошла в комнату уверенно, как и полагалось хозяйке.

– Что вы здесь делаете? – холодно поинтересовалась она.

– Поблагодарить тебя пришел. Я бы собрал документы в любом случае, но ты упростила мне задачу.

Аделина уставилась на него в неверии. Понятно, что другом ей он никогда не был – даже наоборот. Но Вернон прежде не опускался до таких примитивных подстав! Своих врагов он предпочитал побеждать честно, не из уважения к ним, просто сложные игры доставляли ему удовольствие.

А с ней он решил поступить так... И шансы на успех у него были выше, чем хотелось бы. Аделина рассмотрела не все документы, которые он предоставил на собрании. Но те, что она видела, она могла бы получить. Она работала со всеми компаниями, которые он назвал. У нее был доступ к внутренним базам данных. Ей доверяли...

Но она этого не делала! Не из-за какой-то особой лояльности нанимателям, Аделина просто понимала, насколько это опасно, и не хотела подставляться. И вот Вернон ее переиграл...

– Такими методами вы теперь действуете? – криво усмехнулась она. – Хотите обставить все так, чтобы мои клиенты лишились моей помощи таким образом?

– Обставить? – удивленно переспросил Вернон. Его удивление казалось искренним, но на самом деле было очередной издевкой. – Ах да, совсем забыл!

Он щелкнул пальцами – в этом не было никакой необходимости, просто таким, как он, нравилось работать на публику. Прозвучал быстрый звонкий щелчок – и Аделина вспомнила. Всё и сразу.

Вот она пробирается в центральный офис «Феникс Арт» и копирует документы с грифом «Секретно». Вот устанавливает камеру в кабинете главы корпорации «Аско». Вот выспрашивает, где будут проходить переговоры по Итойе. Ее собеседник хмурится: не слишком ли ей опасно знать такое? Она лишь смеется в ответ: ситуация под контролем, как всегда!

Ну а вот она идет к Вернону и рассказывает ему обо всем этом. Потом забывает – снова и снова, чтобы верить в свою невиновность.

– Это ложь! – крикнула Аделина, прижимая руки к вискам так, будто это могло защитить ее от телепатического воздействия. – Это придуманные воспоминания, я не собираюсь в них верить!

Вернон не ответил ей. Он повернулся к своей секретарше и тяжело вздохнул:

– Похоже, мы опять это делаем.

– Да, милый. Мы опять это делаем.

Именно секретарша щелкнула несколько раз по личному компьютеру, запуская видео-файл на демонстрационном экране, подвешенном на стене.

На этом видео Аделина увидела... себя. Но другую себя, намного моложе, такую, какой она была вскоре после выпуска из академии. Совсем юную, уже наглуую, добившуюся первых успехов. А еще – шокированную, заплаканную, трясущуюся в истерике. Она, уже не пытаясь стереть слезы, смотрела прямо в объектив и говорила быстро, отчаянно:

– Не позволяй ему изменить себя! Ты должна бороться, ты справишься! Помни, кто ты такая. Ты не делаешь ставку на внешность и побеждаешь за счет ума. Ты ненавидишь красный цвет и высокие каблуки. У тебя рыжие от природы волосы и ты очень гордишься этим. Ты не любишь вино, ты отдыхаешь в горах... Это же ты, так всегда было!

Мир качнулся, закружился, и Аделина вдруг обнаружила, что стоит на коленях на полу, потому что ноги уже не держат. То, что говорила девушка на видео, было правдой – и одновременно не было. Аделина знала, что она не врет, а еще – что ее слова противоречат той жизни, которую Аделина вела последние десять лет.

– Не забывай себя! – взмолилась девушка на видео, а потом ролик резко оборвался.

На несколько секунд в комнате стало тихо. Аделина всегда терпеть не могла такую глухую тишину, при которой удары сердца кажутся особенно громкими.

Вернон не спешил, он давал ей паузу, чтобы полностью осознать услышанное. Лишь потом он заговорил – без показной симпатии, но и без жестокости.

– Пока ты приходишь в себя, я расскажу тебе короткую историю. Про очень талантливую девочку с немалыми амбициями. Она успешно окончила академию, прошла стажировку в одной крупной корпорации, сразу получила работу в другой. И все у этой девочки было хорошо, кроме одного: она выбрала себе очень нелепую мечту. Она хотела, цитирую: «Поиметь телепата номер 1». Только наивная маленькая девочка не знала, что телепат номер 1 мониторит упоминание себя в чужих мыслях. Не во всех, разумеется, но, если человек достаточно важен, чтобы оказаться в окружении этого телепата, телепат его заметит.

Сердце, и без того колотившееся испуганным зверьком, еще больше ускорило, и стало трудно дышать. Аделине хотелось верить, что это воздействие Вернона или его секретарши, но обмануть саму себя не получалось.

Так она реагировала на правду, которую и сама знала с самого начала, но вынуждена была забыть.

– Однажды телепат номер 1 заметил и амбициозную девочку, – продолжил Вернон. – Она к тому моменту сама обзавелась кое-какими телепатическими способностями и решила, что это ее защитит. Поначалу старый телепат подумывал убить ее. Однако одна добрая фея убедила его, что наказывать тупого ребенка, не сделавшего ничего плохого, только за то, что он тупой, неправильно и непедagogично. Тогда телепат просто вправил девочке мозги.

– Ты изменил всю мою личность... – пораженно прошептала Аделина.

– Не всю, не перевирай. И впредь обращай ко мне на «вы», мы не друзья, мы – начальник и подчиненная.

– Я не ваша подчиненная!

– Давно уже моя, – усмехнулся Вернон. – Я не менял твою личность полностью, просто подкорректировал ее так, чтобы твоя карьера пошла в гору быстрее.

– И чтобы ты начала делать то, что раньше ненавидела, – доверительно сообщила секретарша. – Потому что он довольно мстительный и плохо воспринимает желание его убить.

– Это к делу не относится! – отмахнулся Вернон. – Так вот, к нашей сказке. Добрый и справедливый телепат позволил девочке записать прощальное видео самой себе, чтобы однажды она смогла усвоить урок. Ну а потом она начала отрабатывать право на жизнь, добывая для телепата очень ценные сведения.

Так не могло быть. Просто не могло и все. Она защищена, у нее есть телепатия, она настроилась только на оборону... Разве все это не имеет значения?

Как оказалось, нет. До Аделины только теперь дошло, как нелепо она выглядела, когда наслаждалась каждой новой победой над Верноном. Поимела телепата номер 1, конечно... Кто кого? И только ли телепатически? Она понятия не имела, какую часть своей жизни забыла, и это было страшно.

– Я этого не прощу, – сквозь сжатые зубы процедила Аделина. – Никогда не прощу! Вы об этом еще пожалеете!

– С чего бы? – удивился Вернон. – Забудешь, простишь, сменишь растянутые колготки на новые, чтобы не позориться, подправишь макияж и пойдешь снова с улыбкой обслуживать своих клиентов. Мне особенно интересно, как они будут реагировать на то, что случилось сегодня.

– Вы можете заставить меня сделать такое прямо сейчас... Но это не будет длиться вечно! Теперь, когда я увидела эту запись, она в моем подсознании, как и наш разговор! Я телепат, я вспомню то, что здесь случилось!

Вернон не выдержал, расхохотался, не собираясь ничего пояснить. Уже от этого чувство беды, давно поселившееся в душе Аделины, лишь усилилось.

Его секретарша оказалась добрее, она бросила на Аделину по-настоящему сочувствующий взгляд:

– Милая... Как думаешь, который раз за прошедшие годы ты смотришь это видео?

Аделине казалось, что она умирает. Ее тело было в порядке, и в этот момент Вернон даже не лез в ее разум, она чувствовала. Но все, во что она верила, оказалось ложью. Все, чем она гордилась, использовали против нее. Что вообще настоящее? Сколько она была игрушкой в чужих руках – и сколько еще будет?

Мир на секунду стал мутным, а потом с глаз скользнули первые слезы. Аделина не плакала уже много лет...

– Тоже неверно, – встрял Вернон. – Рыдаешь ты регулярно.

– Зачем вы это делаете? – прошептала она. – Зачем мучаете меня?

– Мучаем? – переспросил телепат. – Никакой благодарности! Тебе шанс дают каждый раз, но ты его упускаешь.

– Разве это шанс? Вы манипулируете мной!

– В основном стираю твою память, решения ты по большей части принимаешь сама. И среди этих решений неизменно всплывает мечта о том, чтобы меня – ну, ты в курсе. Я могу стереть мысли об этом из твоей башки. Но зачем мне выполнять работу за тебя? Я показываю тебе это видео, надеюсь, что ты сама сможешь глобально измениться и перестанешь наконец мечтать о победе надо мной. Однако ты неисправима, тебе почему-то кажется, что доминировать надо мной – смысл твоей жизни. Как я должен на это реагировать? Умиляться и радоваться, что так востребован? В наказание ты работаешь на меня и снова получаешь возможность завести мечту поприятней.

– Но это же замкнутый круг! – не выдержала Аделина. – Как я должна усвоить урок, который стирают из моей памяти?

– За счет взросления, например? Обстоятельства вокруг тебя меняются, мир меняется, и ты могла бы многим помочь, но ты вместо этого эротическими фантазиями в мой адрес страдаешь.

Аделина перевела беспомощный взгляд на секретаршу, надеясь хоть у нее найти поддержку. Но та лишь печально покачала головой:

– Девочка, не смотри на меня так. Сначала я тебя и правда жалела. Но, подумай... Ты требуешь прямого урока? Я пыталась его преподать. Совсем недавно я подходила к тебе и предупреждала, что твои действия могут убить тысячи человек. Убить. Тысячи. Человек. Каждое слово обдумай. Но ты без какого-либо воздействия со стороны предпочла это сделать, чтобы тебе премию выписали. Вот кто ты есть на самом деле, Аделина. И вот почему мне тебя не жаль.

Ей нечего было сказать. Кому-то другому она уже пообещала бы, что исправится, но врать могущественному телепату было бесполезно. Она ведь теперь мечтала не победить его, а убить, да и его секретаршу тоже. Она знала, что он никогда ее за это не простит. Поэтому Аделина просто тихо плакала, сжавшись на полу роскошных апартаментов.

Вернон, всего мгновение назад смотревший на нее с презрением, нацепил на лицо бодрую улыбку, поднялся с кресла и зачем-то хлопнул в ладоши.

– Ну, засиделись мы тут с этими сказками, а ведь время не ждет! Кое-кому пора возвращаться к работе.

* * *

Эстрид не сожалела о том, что с ней случилось. Во-первых, потому что считала сожаление напрасной тратой времени. Во-вторых, потому что именно такое стечение обстоятельств помогло ей понять, что для нее по-настоящему важно.

Когда она объясняла Римильде, как осталась в живых, хилеру, должно быть, показалось, что это было не так уж трудно. Но реальность сложилась куда печальней: никогда еще Эстрид не сталкивалась со смертью настолько неподготовленной. В тот день все произошло слишком быстро, Пятая слишком много сил потратила на борьбу с существом. Когда ее основное тело все-таки было уничтожено, новое оказалось едва пригодным для жизни.

При таких условиях главный риск – это не остановка жизненных функций как таковых, а потеря собственной личности. Чтобы полноценно переродиться, Эстрид требовалось не только создавать тело, но и сохранять память о том, кто она такая.

На этот раз темнота подступала отовсюду, а память ускользала – стремительно, упрямо. Эстрид устала, ей было больно и страшно. Ей захотелось сдаться...

А она не могла. В безликом мире легионеров, просто выполняющих свою работу, у нее было нечто особенное, важное только для нее. Была эта непонятная связь с Матео, то радовавшая Эстрид, то тяготившая ее. И сейчас возможность вернуться в мир живых и снова почувствовать эту связь стала тем самым маяком, который вывел Эстрид из поглощавшей ее ночи.

Она не собиралась говорить об этом никому, даже Матео. Но сама-то она знала правду.

Эстрид была бы рада, если бы получилось подняться наверх как можно быстрее и забыть о произошедшем на «Демииурге» кошмаре. Увы, такого она позволить себе пока не могла. Она сразу поняла, что на Марсе по-прежнему творится непонятно что. Она должна была обезопасить мир, прежде чем возвращаться к тому, кто ей дорог.

Поэтому она давно уже воспринимала подземелье как угрозу и даже не удивилась, уловив в воздухе запах крови. Причем исходил он вовсе не оттуда, где остались убитые ею диверсанты.

– Ты почувствовала? – насторожилась Римильда. – Там, впереди, кого-то убили!

Эстрид была довольна тем, что ей досталась такая напарница. После того, как легионер погибла из-за предательства, к выбору союзников она планировала подходить очень внима-

тельно. Но Римильда ее полностью устраивала – и силой, и быстрым восстановлением, и тем, что не слишком много болтала.

– Сколько смертей ты засекала? – уточнила Эстрид. – Мои способности не всегда такое улавливают.

– Шесть, и произошли они почти одновременно, поэтому их сложно было разделить. Ну почему в этой адской дыре вечно что-то идет не так?!

– При такой формулировке адская дыра просто оправдывает свое название.

Они не могли пройти мимо такой угрозы и направились вперед, хотя обе устали: им удалось нейтрализовать взрывные устройства, но это отняло слишком много сил и крови. В иных обстоятельствах это было бы для Эстрид мелочью, а теперь приходилось действовать осторожней.

Она уже чувствовала, что запах крови усиливается, жизни впереди нет. Можно было предположить, что кого-то убили машины или существо, но нет, кокон оставался неподвижным, а жизнь раньше была. Просто кто-то совершил убийство и ушел – именно так раньше делали Эстрид и Римильда. Неужели охоту на диверсантов объявил кто-то еще?

Однако, когда они добрались до места расправы, оказалось, что у неизвестного охотника другая цель. В тоннеле неподвижно лежали военные – они и правда были убиты одновременно, расстреляны термоснарядами с большого расстояния, потому и обошлось без звука.

– Думаешь, это самозванцы? – спросила Римильда, опустившись на колени возле ближайшего тела.

Эстрид осмотрела номера, нашитые на форму, изучила оружие, которого патрульные так и не успели коснуться.

– Не похоже. Скорее всего, официальная охрана.

– Ты хотя бы отдаленно понимаешь, что тут происходит?

Удивление Римильды было объяснимо. До этого момента диверсанты старались сохранить свое присутствие в тайне, они маскировали те участки кокона, где устанавливали сканеры или взрывчатку. Но уничтожение группы означало, что они планируют предпринять нечто серьезное в течение суток – примерно столько понадобится военным, чтобы найти трупы.

– Не похоже, что это было их планом с самого начала, – сказала Эстрид. – Модели поведения расходятся.

– Скорее, поведение просто меняется. Но почему?

– Я вижу две возможные причины: либо они заметили наше вмешательство и решили, что это военные их обнаружили, либо наверху поменялись обстоятельства и диверсантам дали новый приказ.

– Второе, – уверенно произнесла Римильда, поднимаясь на ноги и отряхивая от грязи брюки.

– Почему ты так считаешь?

– Если бы они обнаружили, что мы несколько проредили их ряды, они бы скорее затаились. Но они вырезали патрульную группу! Это уверенное нападение, им реально дали другой приказ. Интересно мне, какой...

– Скоро ты сможешь спросить у них сама.

Римильда окинула ее тяжелым взглядом:

– Мы ведь останемся здесь, пока не найдем их?

– Естественно. Наши способности хорошо для этого подходят, мы ближе всех, только мы знаем об угрозе. Так что выход на поверхность придется отложить.

* * *

Можно было устроить взрыв здесь и сейчас, просто покончить со всем – и это был соблазнительный вариант. Иарлайт устал, у него болело все, что может болеть, искалеченное тело едва двигалось. Да и мысль о собственной смерти давила на него: он мог отстраниться от страха, мог заставить себя сделать это, но как не сожалеть? А сожаление приносило с собой сомнения, и он боялся, что вообще ни с чем не справится.

И все же он сдержался, не дал себе эту сомнительную побрякушку. Если сделать то, что проще, получится самоубийство ради самоубийства. Иарлайт уже видел, что пираты раздобыли где-то современную модель челнока... Хотя понятно, где, у хозяев своих! Если киборг устроит взрыв там, где находится, корабль пострадает, но даже не упадет.

Зато если добраться до пульта управления, все кончится иначе. Достаточно сильный взрыв способен зацепить двигатель, рядом летают другие пиратские челноки... Может, получится сбить и их? Ради такой цели стоило постараться!

Пираты редко имели дело с киборгами, особенно с искалеченными насколько сильно. Они использовали на Иарлайте стандартные наручники, решили, что он никуда не денется. Освободиться ему все равно было сложно, но с небольшой жертвой – вполне возможно. Он избавился от остатков ручных протезов... Это было не просто трудно и неприятно, он давно уже не чувствовал себя настолько уязвимым. Пожалуй, с тех пор, как лишился собственных рук! Но так нужно, да и терпеть осталось недолго.

Избавившись от наручников, он не стал выжидать, сразу сорвался с места, побежал вперед. У него только и было, что эффект неожиданности! Расстояние, отделявшее Иарлайта от пульта управления, было ничтожным, все должно было получиться...

Но почему-то не получилось. Легионеры, пусть и низшего порядка, двигались так быстро, что не уследить. Вот они стояли у пульта – а вот уже оказались рядом с киборгом. Ламбро сдержал его, а Жайла одним безжалостным ударом перебила и без того поврежденные ножные протезы, вынуждая его повалиться на металлический пол.

Он больше не был воином, способным драться с ними на равных. Он был телом, над которым они могли издеваться. Допускать такое Иарлайт не собирался, он избавился от последних сомнений, он готов был заплатить жизнью за избавление от позора, и...

У него ничего не вышло. Система самоуничтожения, которую он разработал лично, просто не реагировала на запрос центрального процессора.

– В чем дело? – с притворным сочувствием спросила Жайла. – Сложности с электроникой?

– Как? – только и смог произнести Иарлайт. Говорить сейчас не хотелось, голова кружилась, злость разливалась по венам бессильным пламенем. Он был солдатом всю жизнь, он справился с тем, что иным и в кошмарах не снится. А финал его пути будет таким?..

– Сразу было понятно, что от тебя можно ждать чего угодно, – снисходительно пояснил Ламбро. – Тот случай под водой, знаешь ли, запомнился. Поэтому мы просто поставили электронную блокировку на все твои сложные внутренние функции, не разбираясь, что ты там умеешь, а что – нет.

Если бы у него были руки, он бы сейчас инстинктивно потянулся к задней стороне шеи – там, вероятнее всего, и установили датчик, который Иарлайт даже не почувствовал. Но рук не было, да и прикосновение ничего бы не дало. Ему просто напомнили, что он не только нечто большее, чем человек, он еще и нечто меньшее. Машина, которую можно отключить.

Ламбро относился к победе спокойно, как к естественному ходу событий. А вот Жайла откровенно злорадствовала, она опустила ногу на живот киборга, с силой надавила, зная, что он никак не сможет помешать ей.

– Если тебе станет от этого легче, имей в виду: ты все равно умрешь, – сказала она. – Без дурацких выходов, явно не так драматично, как собирался, зато мне будет весело. Но не прямо сейчас. Мы тебя уже заявили как ценный груз, так что пока потерпи.

И новое унижение, то самое, которого он надеялся избежать. Они уже передали сообщение космическому флоту. Судя по тому, что в них не стреляют, к их требованиям отнеслись серьезно.

Получается, свои его не предали, Иарлайт был действительно важен для них. А он будто намеренно подвел их... Умом киборг понимал, что это неправда, но момент беспомощности, да еще и под ногой у психопатки, вере в себя не способствовал.

Издевательствами над киборгом наслаждались не только легионеры, пилот насмешливо бросил:

– Выходим в верхние слои атмосферы, коридор чист!

Они выбрались. Не так важно, что они еще не на основном корабле, челноку позволят долететь до него. В командовании Черной Армады дураков нет, там тоже догадываются, что киборга могут и не вернуть. Но они все равно пошли на риск ради ничтожной возможности сохранить Иарлайту жизнь...

А может, и нет. Уверенность в этом пошатнулась, когда вздрогнул весь челнок. Некоторые пираты даже повалились на пол, легионеры на ногах удержались, но теперь настороженно оглядывались по сторонам в поисках повреждений.

– Что это вообще было? – нахмурилась Жайла. – Чем они по нам выстрелили?

– Да как будто ничем... – смутился пилот. – Мимо пролетел их скоростной челнок, но на такую модель крупные орудия не устанавливают, да и у нас компьютер молчит...

– Может, крылом задел? – предположил Ламбро.

– Это дико странно, но, может, и так...

Предположение было нелепым, однако пояснять это Иарлайт не собирался. Зачем ему вообще разговаривать со своими палачами? Он по-прежнему искал способ все завершить, раз уж в челнок не выстрелили.

Однако странности не спешили заканчиваться. Стук снаружи повторился, уже не такой громкий, однако уловимый для обостренного слуха киборга и легионеров. Стук был ритмичным, и он... смеялся. Он, появившийся на крыше, теперь двигался в сторону люка.

– Не может быть... – прошептала Жайла.

Тут киборг впервые был с ней согласен. Не может это быть тем, на что похоже, ну никак! Потому что похоже это на тяжелые шаги, а челнок уже всю несетя сквозь верхние слои атмосферы. Никто бы не смог попасть на него, закрепить... Ведь никто же?

Но кое-кто смог. Лучшим доказательством стал люк, резко вылетевший из крепления. В сумрачной тьме сначала возникла едва различимая фигура, которая с поразительной легкостью скользнула в салон. Здесь, в ярком свете, появилась возможность разглядеть мужчину в черной легионерской форме, покрытого тонким слоем наледи.

– Вот черт... – выдохнул Ламбро.

– О, да! – широко ухмыльнулся Одхан.

Его не могло здесь быть. Потому что высота. Потому что никто бы не смог на такой скорости перепрыгнуть с одного челнока на другой и закрепить на нем. Потому что холод, ветер, темнота... Потому что Одхан Рош мертв, это все знают, Иарлайту ведь сказали, что осталось только выбрать дату смерти для личного дела...

Однако все это вмиг потеряло значение, когда легионер шагнул в челнок. Система уже взвывла предупреждением о разгерметизации, загорелись аварийные огни, маленький корабль резко накренился и пошел вниз. Пираты схватились за оружие, потому что не знали, с кем имеют дело. Легионеры знали, а потому просто замерли на своих местах. Иарлайт почувствовал, как нога Жайлы, прижатая к его животу, дрожит мелкой дрожью.

Одхан не стал упрекать их, отчитывать за предательство или даже спрашивать, а что же тут происходит? Он прекрасно знал, что происходит. Он по-прежнему улыбался, но его взгляд оставался холоднее, чем воздух, врывавшийся в распахнувшуюся на месте люка дыру.

Одхан напал первым, потому что он-то как раз ни в чем не сомневался, он знал, кто победит. Если Жайла и Ламбро изначально думали о том, чтобы попросить пощады, теперь им стало ясно, что это бесполезно. Одхан по-прежнему был не из тех, кто прощает.

Жайла оказалась ближе к нему, она и погибла первой. Она попыталась ударить, отчаянно и яростно. Она дотянулась до него – и тут же лишилась руки. Легко, будто крыло бабочке оторвали... Она даже не успела сообразить, что произошло, когда собственная рука пробила ее насквозь. Жайла растерянно опустила взгляд вниз, моргнула – и беззвучно повалилась на пол.

Кому-то это могло показаться лишней жестокостью, а Иарлайт знал, что тела легионеров намного крепче человеческих. Одхан использовал то, что с легкостью пробило бы защищенную плоть – кость, созданную из тех же клеток. Легионера высшего уровня это не убило бы, однако Жайла была далека от высших, ей хватило.

Ламбро замер – то ли чтобы избежать казни, то ли потому, что осознал бесполезность любого сопротивления. Но он ничего не сказал... слов не нашел или не успел. Иарлайт закрыл глаза, ему не хотелось видеть, что станет с предателем. Но он все равно понял – был звук разрывающейся плоти, было падение чего-то побольше и чего-то поменьше, мягкое и влажное. А дальше – тишина...

Убивать пиратов Одхан не стал, похоже, искреннюю ненависть у него вызывали лишь предатели. Он бросил пилоту:

– Сажай корыто. От того, насколько деликатной будет посадка, напрямую зависит, сколько кусков тебя предстанет на суде. Эй, пацан...

Иарлайту не хотелось открывать глаза. Ему казалось: стоит это сделать – и все исчезнет. Его спасение окажется лишь галлюцинацией, плодом его сознания, которое отключилось после очередного удара Жайлы. Он просто очень хотел, чтобы Одхан вернулся, вот и придумал это.

Однако, когда он открыл глаза, Одхан по-прежнему был рядом. Стоял над ним, наблюдал насмешливо, судя по пакостному виду, готовил очередную шутку про «совсем развалился». А Иарлайт вдруг понял, что ему все равно. Ирония его не задевает, унижение не так уж важно, даже боль отступила – и все под влиянием абсолютной, непобедимой радости того, кто получил воплощение невозможной мечты.

Он-то думал, что это знакомое «пацан» теперь будет слышать только на той страшной, кровавой записи, которую передал ему Стефан.

А Одхан жив... Переупрямил все-таки смерть!

– Ты совсем развалился! – наконец объявил Четвертый.

– Это реально не стоило такой паузы! – закатил глаза Иарлайт. – А ты задержался, между прочим, мы тут уже всю работу сделали, пока ты в кроватке прохлаждался!

– Поговори мне тут – так и продолжишь роль коврика выполнять!

Ворчать он мог сколько угодно, легионер все равно поднял Иарлайта и осторожно закрепил в кресле. Глядя на его искалеченное, лишенное протезов тело, Одхан наконец перестал ухмыляться.

– Ну, ты даешь, пацан... Куда мне умирать, если ты тут же пытаешься эффектно самоубиться?

– Ты просто пытался вывести определение «ленив до смерти» на новый уровень, а я не дал! Но, серьезно... Как это возможно?

– А это довольно странная история, – признал Одхан. – Но на нее, пожалуй, хватит времени, пока вон тот обгадившийся флибустьер пытается не разбить нас о волны!

* * *

Чем сложнее партия, тем интересней ее выигрывать. Валентин Вернон прекрасно знал, что радоваться пока рано. То, что он сделал на заседании, не решит исход противостояния, он просто разворошил осиное гнездо. Но иногда его нужно разворошить – если оно стало настолько привычным, что все вокруг смирились с постоянно жалящими осами.

Он понимал, что Общее Правительство будет действовать цивилизованными методами: начнет официальное расследование, еще раз перепроверит все доказательства. Не потому что не верит его словам, просто так положено по закону. А юристы вроде Аделины используют этот же закон, чтобы их боссы дожидались суда дома.

Оттуда они по-прежнему смогут отдавать приказы, связанные с судьбой Марса, а вот планы придется поменять. Вернон подкинул им самую страшную угрозу в мире смертного человека: ограниченность времени. Если раньше они еще могли затягивать всю эту историю с коконом, то теперь им придется сделать следующий шаг, да еще и без должной подготовки.

Это опасно – но это же хорошо. Вернон умел выжидать, просто не любил. Он был готов к финальной партии.

– Вал, тебя вызывает Данкард, – предупредила Тимандра.

Еще один занятный момент: это более-менее стабильное сотрудничество с Черным Адмиралом после долгих лет игнорирования друг друга. При такой глобальной проблеме иначе и быть не могло, и все-таки забавно, что им стало так легко договариваться.

Все сводится к появлению этой родственницы, но все равно любопытно. Правда, теперь на шахматной доске возникла новая фигура, однако Вернон еще не решил, как ее использовать.

Пока же ему следовало ответить: во времена, когда вся федерация полыхает скандалами, лучше не исчезать и не отмалчиваться. Поэтому Вернон принял вызов в своем личном кабинете, тут прослушки точно не было. Тимандра осталась, однако ей он доверял как никому другому.

Данкард находился на своем корабле. Он выглядел невозмутимым – но он всегда так выглядит, Вернон и не ожидал от него умильной улыбки.

– Ты был прав насчет Земли, – признал адмирал. – Мы накрыли их в последний момент. Пара десятков челноков, плюс взяли несколько кораблей, ожидавших их на орбите. Некоторым удалось улететь, но части своих команд они все равно лишились. В Общем Правительстве моему докладу не сразу поверили, решили, что я зачем-то пытаюсь разыграть их. Им почему-то казалось, что пираты не способны на такую безмозглую наглость.

– Ну и зря. Наглость и неожиданность – два бонуса при построении стратегии. Я прослежу за тем, чтобы твой доклад приняли как надо. Ты уже получил Тео?

– Он еще не на моем корабле, если ты об этом. Но он перехвачен у пиратов. Его погрузка на борт – чистая формальность.

– Сразу стоп, – поморщился Вернон. – Как только начинают говорить о чистых формальностях, все обязательно катится в никуда. Тео слишком важен во всем, что мы собираемся сотворить, я тебя прошу, забирай его немедленно. Ну а потом очень хотелось бы видеть тебя и твою веселую бригаду на Марсе. Ты сможешь сам организовать перевод или мне подсобить?

– При чем здесь Марс? После этой миссии мы планировали окончательную зачистку сектора Земли.

– С этим справится и флот – должна же и от него быть польза? Я тут немного потряс контейнер с задремавшими политиками. Теперь жарко может стать на Марсе.

Вернон показал на заседании не все документы, которые добыла для него Аделина, только те, которые требовались для официального обвинения. Телепат предпочитал знать больше, чем приходится донести до общего сведения.

Вот и теперь он выяснил, какие именно ресурсы были выделены на Марс – и финансовые, и технические. Там сейчас несколько диверсионных бригад и непредсказуемое количество боевых машин. Судя по тому, какие распоряжения дали Аделине, изначально частники планировали действовать медленно и осторожно.

Но теперь, когда их империи трещат и готовятся рухнуть, они могут использовать кокон как отвлекающий фактор или даже оружие. А туда еще и согнали непонятный сброд... Сосредоточившись на заседаниях правительства, Вернон не проверил состав комиссии, посланной на Марс, и теперь жалел об этом.

– Меня не устраивает то, что там торчит Феликс Рит, – признал Вернон. – Этот перерзлый мальчик-гений вызывает сомнения.

– Не только у тебя. В федерации вообще не все держится на твоих плечах. К счастью.

– Это еще как понимать?

Вернон терпеть не мог такие вопросы. Обычно, если его что-то интересовало, он просто извлекал знания из головы собеседника, а вопросы задавал просто для соблюдения вежливости. Но теперь Данкарда защищало расстояние, и это бесило.

Зато сам Черный Адмирал мстительно наслаждался моментом. Он не дал прямого ответа, он лишь загадочно сообщил:

– За Ритом присматривают, все в порядке. По Тео – я тебя понял. Я заберу его и доставлю на Марс. Отбой.

Вот так, значит... Напустил интриг и отключился. Вернона это раздражало, как и тихий смех Тимандры, которая тоже все заметила.

За такое нужно отвечать – даже несмотря на то, что телепат сам обычно скрывал немало данных от своих собеседников. В его мире справедливость действовала не так, поэтому Вернон не стал повторно вызывать адмирала, хотя мог бы и изначально собирался.

О том, что Делия жива, Данкарду предстояло узнать намного позже – когда у него останется меньше времени на подготовку к семейному воссоединению.

* * *

Альда почувствовала их. Она не ожидала, что так будет, и не готовилась ни к чему подобному. Но она уловила жизнь за пределами корабля за минуту до того, как Стефан сказал:

– Они рядом.

Она не знала, как это объяснить. Может, все дело в том, что она слишком давно этого ждала. Или в столкновении с существом на Марсе, которое тоже было колонией. Или в том, что ей досталась память Триана. Какая разница? Это тот случай, когда результат важнее причины.

Настроиться на колонию как на полноценный разум телепатка не могла. Она лишь воспринимала жизнь на территории, где жизни быть вроде как не могло. Альда по-прежнему оставалась в тесной, душной, отчаянно сотрясающейся под ударами ураганного ветра капсуле, однако это было не так уж важно. Ее поразило то чувство абсолютной, всепобеждающей жизни, которое мелькнуло совсем близко.

Альда закрыла глаза и сосредоточилась, пытаясь коснуться колонии уже осознанно, подблизиться ближе и получить больше. Она знала, что играет с огнем: попытки воздействия на разум Рафаля ничем хорошим не заканчивались. Но она должна была попробовать, ведь полноценный контакт изменит все...

Нет, не сложилось. Это был бы красивый финал долгого путешествия, та самая награда, которая полагается за пройденные испытания. Вот только Шидонай не подозревал, что он кому-то там задолжал чудо. Его жизнь на контакт не шла.

И все же кое-что у Альды получилось: ей вдруг показалось, что она видит. Пока все они находились в капсуле, у них не было ни единого шанса разглядеть тот хаос, который раскинулся

вокруг них. Может, оно и к лучшему, чтобы смерть не стала слишком уж очевидной? Все ограничивалось приблизительным представлением, составленными компьютером моделями, ассоциациями с тем, что космос показывал странникам раньше.

Но здесь и сейчас все было иначе. Глаза Альды оставались закрытыми, она сидела в кресле – и вместе с тем была снаружи. Там, где больше тьмы, но порой свет мелькает так ярко, что ослепляет. Сверху – стремительно несущаяся вперед, извивающаяся воронками масса свинцовых облаков. Снизу – странное движение, как будто клубится густой черный дым. Это тоже облака, но особенные, ядовитые, будто сомкнувшиеся на планете коконом.

Однако завеса получилась не сплошная, в ядовитой черноте есть крупные прорывы – видно, там, где ветер вдруг решил ударить вниз. И в них что-то блестит каждый раз, когда полыхает очередная молния. Что-то очень большое, не единый объект, а новая пелена. Океан?.. Да, выглядит так, будто океан. Но на Шидонае океана нет, вода и простая жизнь противоречат его сути. Поэтому Альде сложно представить, на что она смотрит. Может, на металл, жидкий от жара и давления. А может, на отблеск скрытого где-то далеко внизу ядра... Глупо, конечно. Даже при силе притяжения Шидоная падать к его ядру пришлось бы несколько месяцев, увидеть его нереально. А что вообще реально, чего тут ожидать?

И вот в этом мире, постоянно двигающемся и постоянно гневающемся, все равно сформировались живые существа. Они не могли эволюционировать, не было здесь для этого никаких условий. Они оставались теми, кого гнал вперед вечный ветер. Но ведь они были! Уже это невозможно и бессмысленно – почти как то, чем эти существа способны стать в других мирах.

– Нужно взять правее, – сказал Стефан. – Относительно пульта, разумеется, потому что сейчас все относительно.

Альда знала, что легионер чувствует колонию иначе. Она могла бы выяснить, как именно, если бы залезла в его сознание. Но она не стала – не была уверена, что готова... Ей хватило уже того, что Стефан избавился от своей фирменной ухмылки, таким настороженным она последний раз видела его на Марсе.

Альда могла бы передвинуть капсулу телекинезом, однако пока в этом не было необходимости. Тросы держали надежно, маневренные двигатели работали как надо. Силы сейчас лучше побережь... Ничего ведь еще не закончилось.

Они находились не на поверхности Шидоная как таковой, потому что не было у него никакой поверхности. Колония обитала в одном слое атмосферы, она парила вместе с ветрами, иногда улетаая далеко вперед, иногда – оставаясь на месте при помощи вихря.

– Мне кажется, они передвигаются осознанно, – прошептала Альда.

– Возможно, но тем хуже для нас, – отозвался Стефан. – Через пять минут мы будем внутри потока, в котором они вполне могут находиться.

Все существа, которых они чувствовали поблизости, двигались в разные стороны, но никогда не спускались вниз. Похоже, тот блеск, который заметила Альда, и черные клубы пугали их. Или нет – сложно рассуждать об этом без уверенности, что ей не привиделось!

Там, где Стефан обнаружил колонию, молнии били часто и сильно. Может, совпадение – или эта жизнь нуждалась в энергии, которую порождали грозы Шидоная. Как бы то ни было, нагрузка на Матео серьезно возросла, Альда чувствовала это.

Но сам электрокинетик не жаловался и ни о чем не просил. Он подвел капсулу туда, где Стефан обнаружил жизнь, и запустил зонды. Их на «Данте-9» было установлено три, все – предназначенные для работы в экстремальных условиях. Но Шидонай все равно оставался особым случаем, и сложно было предсказать, выдержит ли оборудование.

Альде хотелось хоть на что-то повлиять, заставить колонию приблизиться, попасться в ловушку... А она не могла, даже ее силы оказалось недостаточно для такого. Да ее сила и вовсе стала бесполезной! Ухватить колонию телекинезом, не видя ее, было невозможно. Телепатия тоже не действовала, разум той самой первородной материи слишком сильно отличался

от человеческого... И от разума любого другого существа, которое Альда встречала за время своих путешествий. Монстр, в которого превратился Рафаль, – и тот был более понятным за счет вкраплений человеческого сознания.

Бессильное ожидание выматывало больше, чем самая серьезная нагрузка, однако Альда заставила себя терпеть. Ей показалось, что прошла целая вечность, прежде чем Матео объявил:

– Есть захват.

От удивления Альда распахнула глаза и уставилась на электрокинетика:

– Откуда ты знаешь?

– Датчики зонда передают, что внутри находится форма жизни, – пояснил Матео.

– Он прав, – тихо добавил Стефан. – Они внутри. Два зонда из трех сработали, третий пустой.

– Двух хватит, наполнять еще и третий слишком опасно, – рассудил электрокинетик. – Надо возвращаться!

Теперь им полагалось дожидаться, пока «Данте» втянет зонды в хранилище, и подавать наверх сигнал о том, что можно начинать подъем. Это была удача, на которую Альда не смела даже надеяться! Уже то, что у них получилось с первой попытки, – серьезный успех: они были морально готовы к тому, что опускаться в бури Шидоная придется несколько раз. Ну а то, что сработали два зонда... Это же отлично! Альда еще не знала, сколько именно материи они захватили, но подозревала, что этого будет больше чем достаточно для того, чтобы вывести существо в коконе из анабиоза.

Так что их миссию можно было бы назвать идеальной, если бы она действительно завершилась так просто. Но одаривать их столь щедро Шидонай не собирался.

Альда почувствовала, что колония резко двинулась с места. Раньше существа парили плавно, переливались с одного потока на другой. Теперь же они пробились против направления ветра, и случайностью это быть не могло.

Они направлялись к «Данте».

– Мне кажется или... – начало было Альда.

Но Стефан прервал ее до того, как она успела договорить:

– Не кажется. Они движутся сюда, нас определенно заметили.

Она даже не знала, как они могут что-то заметить. Альда лишь теперь осознала: она понятия не имеет, как выглядят эти существа в своем первоначальном виде. У них есть глаза? Уши? Вроде как все это не нужно им на газовой планете – но ведь и они сами тут не нужны, а они есть!

Она по-прежнему не чувствовала в колонии ни мыслей, ни желаний. Намерение угадывалось лишь по сосредоточенному, явно требующему немалых усилий движению сквозь ветер.

– Они что, так отреагировали на то, что мы от них кусок отщипнули? – поразился Матео.

– Не должны, – задумалась Альда. – Насколько я поняла, в условиях Шидоная они постоянно делятся и умирают, колония разрывается на две, потом любые две могут слиться... Они не должны были заметить, что мы забрали такую малую часть!

Однако они определенно заметили. Колония не остановилась, она все-таки добралась до капсулы. Теперь жизнь, неизвестная, бесформенная, наверняка невидимая в царившей снаружи темноте, исследовала металл, решая, как поступить с ним дальше. Но при всем этом – никаких эмоций, никаких желаний. Все то же ровное существование в пространстве, которое была способна уловить человеческая телепатия.

– Я думаю, дело не в образцах, – невесело усмехнулся Стефан. – Кажется, они почуяли меня...

– Как другую колонию? – догадалась Альда.

– Да. Если я смог дотянуться до них, то они до меня – тоже. Я – это намного больше, чем то, что мы забрали у них.

А еще он был чем-то принципиально новым, он наверняка интриговал существ, если они были способны на такие сложные чувства. Они не хотели его исследовать – они хотели его получить, потому что на единстве и держалось выживание на Шидонае.

– Капсула герметична, – напомнил Матео. – Они не должны пробраться внутрь!

– О, поверь мне, они проберутся, – покачал головой Стефан. – Просто дай им время.

– Я бы восхитился их настойчивостью, но нам такие пассажиры даром не нужны! Что делать будем? Есть идеи?

– Если вы ожидаете, что я отважно пожертвую собой, выбросившись из капсулы, и позволю вам спастись, то очень зря, – вздохнул легионер. – Во-первых, я такого не делаю. Во-вторых, даже если бы делал, капсула не открывается изнутри. При попытке это сделать произойдет разгерметизация, и никто уже никуда не улетит.

Альда и не позволила бы ему пожертвовать собой, но сейчас нужно было думать не об этом. Она до последнего надеялась, что колония сорвется, что существ сдует ветер... Наивно. Ветер их породил, для них двигаться в нем – все равно что землянам ходить по ровной дороге.

Колония методично изучала неизвестный объект, разыскивая путь внутрь. Их появление в капсуле стало лишь вопросом времени, а пути к спасению Альда не находила...

В глубине души она уже догадывалась: спасения просто нет. Шидонай лишь приманил их легким успехом, теперь осиротевшая планета готовилась оставить их себе навсегда.

Глава 2

Удерживаться на орбите оказалось сложно, но Лукия и не ожидала иного. Корабль не был предназначен для подобной миссии, он уже работал на пределе своих возможностей – и справлялся неплохо. Да, капитану приходилось постоянно корректировать курс и следить за тем, чтобы расстояние между «Короной» и «Данте» не увеличилось, ведь тогда тросы бы не справились. Но Лукия не сомневалась в том, что все получится, а если надо, корабль выдержит и повторный спуск.

Она не отказалась бы постоянно поддерживать контакт с теми, кто отправился на планету, однако это оказалось слишком сложно: волны энергии, проходившей по Шидонаю, сбивали любой сигнал. В одном из тросов был проложен специальный кабель, тоже работающий на связь, однако использовать его полагалось лишь в крайнем случае, так что Лукия даже надеялась, что сигнал с него не поступит.

Не сложилось, вызов все-таки пошел. Связь работала отвратительно, слова терялись в оглушительных помехах, и все равно Лукия смогла узнать голос Альды. Впрочем, распознать голос женщины, путешествовавшей в компании двух мужчин, было не так уж сложно.

– Капитан, у нас тут трудности...

– Докладывайте, – велела Лукия.

– Мы нашли колонию, даже получили образцы... Пытаемся пробраться внутрь... На поверхности «Данте»...

– Полученные образцы пытаются пробраться внутрь? – терпеливо уточнила капитан.

– Нет! Вся колония... Большая... Почти всю капсулу... Не можем скинуть!

– Поняла вас, Мазарин. Оставайтесь на связи.

Они готовились ко многим проблемам на этой миссии, однако любая подготовка была условной. Они находились на планете-бродяге, уже вплывшей на территорию пустоты. Какой предсказуемости вообще можно ожидать в таких условиях?

Лукия прекрасно понимала: как только колония доберется до салона, пути назад уже не будет. Даже если люди в капсуле останутся живы, спасти их не получится, судьба Рафаля Строма служила тому лучшим подтверждением. Поэтому вытаскивать их нужно срочно, прямо сейчас.

Она тут же связалась с грузовым отделением, из которого и тянулись тросы. За их работу отвечал Кай Ателлир, действительно оказавшийся отличным механиком. Сестра оставалась рядом с ним, просто потому что так ей больше нравилось, а Лукия в присутствии хилера не нуждалась. Делия тоже находилась с ними, прилежно выполняя роль подстраховки.

Связь внутри корабля работала безупречно, после шипящих помех газового гиганта это не могло не радовать.

– Ателлир, в каком состоянии подъемник? – спросила Лукия.

– Почти в идеальном, – отозвался Кай. – Поврежден только один трос, да и то не критично, будет работать.

– Мы сможем поднять капсулу прямо сейчас? Максимально быстро?

– Да, можем... А что случилось?

– Мазарин доложила, что они получили образцы, но колония облепила капсулу снаружи. Сами они избавиться от существ не могут. Необходимо вывезти их туда, где мы сможем оказать содействие.

– Понял, капитан, максима...

Голос Кая резко оборвался – судя по звуку, хилера бесцеремонно оттолкнулись от микрофона. Долго гадать о причинах не пришлось, вместо него зазвучал голос Делии Этерион.

– Никакого подъема не будет, капитан. Вы прекрасно понимаете, что от этого станет не лучше, а хуже. Мы имеем дело с формой жизни, которая наиболее уязвима как раз в привычной среде. Любое изменение приведет к эволюции.

– Это не единственный вариант. Мы перемещаем колонию не на обитаемую планету, а в космос.

– После того, что творится внизу, космос для этих созданий – курорт.

– Цель не только в перемещении. Цель в уничтожении.

– Каким это образом? Телекинезом я их не сброшу, пока не увижу. А когда увижу, может быть поздно – для меня, не для них, они выживут в любом случае. Реакция на кровь хилеров непредсказуема.

– Ваше содействие не требуется, Этерион. Подъемный механизм работает как надо, его будет достаточно.

– Не будет. При попытке поднять сюда капсулу до того, как они найдут способ ее очистить, я ее просто уроню на Шидонай. Случайно, разумеется.

Лукия понимала, что злиться нельзя, это недопустимо при любом раскладе. Но отголоски злости уже мелькали в душе.

– Правильно ли я понимаю, Этерион: вы отказываетесь выполнять чуть ли не первое поручение, данное вам?

– Еще и срываю поручения, данные другим, – невозмутимо подтвердила Делия. – Но отозвать за это помилование или даже сделать мне официальное замечание вы не сможете. Это вы принимаете сентиментальное решение, я действую по протоколу безопасности.

Неприятно было признавать это, но Делия оказалась права. Для Лукии желание спасти команду стало естественным, и даже Ателлиры, ни к кому не испытывающие особой привязанности, мгновенно поддержали ее. Потому что это одна из основ: экипажу можно доверять, никто никого не бросает...

Но для Делии все было иначе, ее слова не следовало воспринимать как пустую угрозу. Она действительно готова была сбросить капсулу вниз, а спецкорпус еще и поблагодарил бы ее за это!

Лукия предприняла последнюю попытку вразумить ее:

– Вы понимаете, что обрекаете на смерть родную дочь, Этерион?

– Я понимаю, что нет у меня никакой дочери, есть сомнительное использование биологического материала, отнятого у меня силой. Но дело не в ней – я помогу ей и остальным, когда это будет допустимо. Сначала им придется постараться самим.

– Вы считаете, что это возможно?

– Там три солдата высшего уровня, капитан. Жить захотят – справятся, – рассудила Делия.

– А если нет?

– Если нет, значит, они просто были недостаточно сильны для миссии, которую сами и придумали.

* * *

Телила просила его ничего не делать, просто подождать, чтобы не спугнуть Феликса. И Стерлинг уважал ее мнение – но это не значит, что он всегда готов был подчиняться ее решениям. Сейчас ожидание казалось не лучшим вариантом: телекинетик все чаще нервничал, причем настолько сильно, что не мог этого скрыть.

Да и понятно, почему! Он подставился. Уже то наказание, которое он выбрал для Кигана изначально, было достаточным основанием для трибунала. А уж попытка убийства... Есте-

ственно, он будет все отрицать, однако он сделал такое при свидетеле. Он достаточно умен, чтобы понимать: тут уже и высший номер может не спасти.

Вопрос лишь в том, какую реакцию он предпочтет. Феликс может затаиться, стать образцовым офицером, показать, что он полезен флоту. Или он может пойти на отчаянный шаг, уничтожить всех свидетелей своих нарушений, включая Телилу, а потом списать это на пиратов, последних мятежников или еще кого-нибудь. Непокойные времена поощряют преступления! То, что Феликс нервничал, лишь демонстрировало, что финальное решение он и сам пока не принял.

Поэтому Стерлинг сосредоточился уже не на поиске компаний, причастных к восстанию на Марсе. Он внимательно следил за новостями, поступавшими со стороны Общего Правительства, и знал, что это больше не нужно: Валентин Вернон назвал их все. Комиссию не отозвали с Марса и ее задание не отменили: для грядущего суда требовалось как можно больше доказательств.

Но эти доказательства не влияли на исход событий, они были скорее юридической возней. Стерлинг с удивлением обнаружил, что ему не хочется тратить на такое время. Не для того он сам рискнул жизнью на Марсе и успел проститься с людьми, которых считал друзьями, чтобы адвокатам Общего Правительства жизнь упрощать!

Он сделал своей целью Феликса Рита. Стерлинг не планировал довольствоваться общими данными, он не сомневался, что Телила и другие представители флота уже не раз все это изучили. Киборг хотел воспользоваться преимуществами Марса.

Красная планета отвечала не только за собственные забавы, но и за львиную долю развлечений Земли. Именно на Марсе располагались штаб-квартиры многих социальных каналов – грандиозных интерактивных сетей, где любой пользователь мог завести свою страничку и размещать что угодно.

Сам Стерлинг никогда такими ресурсами не пользовался, считая их напрасной тратой времени. Но он даже не сомневался, что у пижона вроде Феликса есть профиль хотя бы на одном таком канале, а скорее всего – на всех сразу.

Офицерам спецкорпуса это не возбранялось. Нельзя было писать о миссиях или своем номере в иерархии, но само существование людей со специальными способностями не было тайной для широкой общественности. Выставленная напоказ роскошная жизнь таких, как Феликс, порой даже поощрялась – чтобы родители не боялись отдавать на обучение детей, прошедших тестирование.

Так что там Феликс был идеальным: улыбчивым, богатым, успевающим все и сразу. Это тоже наверняка известно флоту. Поэтому Стерлинг направился в медиациентр, принадлежащий сразу нескольким таким каналам, там уровень доступа был куда выше, чем даже у военных специалистов.

Центр, конечно же, опустел – он примкнул к череде печальных высоток, окровавленных изнутри и надолго покинутых людьми. Но на дверях стояла пометка, указывавшая, что здание проверили и ловушек не нашли. После недавних событий Стерлинг не спешил этому верить, однако все равно решил рискнуть.

Он подключился напрямую к компьютеру, так, как способен только киборг. Система попыталась его остановить, но он ее с легкостью обошел, новое программное обеспечение работало отлично. Очень скоро он получил такой же доступ к страницам Феликса, какой был у самого телекинетика.

Это не ограничивалось общедоступными записями – но в том ведь и смысл! Стерлинг получил возможность просмотреть закрытые папки с фотографиями, личную переписку, съемку с друзьями.

Хотелось сразу найти нечто такое, что поможет отправить Феликса за решетку напрямиком с Марса, однако прорыва не было – как и следовало ожидать. Телекинетик был наглецом, а не

дураком. В закрытых файлах он оставлял чуть больше, зная, что частные корпорации неплохо берегут тайны своих клиентов. Но он явно держал в уме, что любую компьютерную сеть можно вскрыть, он лишний раз не подставлялся.

За несколько часов работы Стерлинг нашел лишь указания на пару-тройку мелких правонарушений. Но по сравнению с тем, что позволяли себе порой члены экипажа «Северной короны», Феликс был просто ангелом! И не так важно, что у них мотивом становилось желание помочь, а у него – развлечься. Закон есть закон, телекинетик всегда знал, где остановиться.

Похоже, Телила была права, нет смысла соваться к нему... Она-то знала, что говорила, она явно выполняет это задание не первый месяц! Может, не первый год.

Мысли о Телиле отозвались в душе легким чувством вины. Стерлинг вынужден был признать: он действует за ее спиной. Если бы он и правда нашел что-то против Феликса здесь, это наверняка сказалось бы на ее карьере. Так что, может, оно и к лучшему?..

Ее образ был тесно связан со всем, что она говорила, всеми заданиями, которые они выполнили вместе уже на Марсе. Это было скорее эмоциональным моментом, Стерлинг не ожидал, что воспоминания как-то помогут.

А сложилось иначе: вспоминая Телилу, он вспомнил и то, что она говорила о семействе Парти, об их компании, о визитах на Марс... О том, что наследницей там была Цивана Парти, которая якобы часто моталась на Красную планету.

Сначала Стерлинг даже не понял, при чем тут она. Цивана была лишь одним из имен, связанных с расследованием, и к Феликсу не имела никакого отношения – на первый взгляд. Однако, взломав страницы телекинетика, первым взглядом киборг был не ограничен. Стерлинг наконец сообразил, что к чему.

Цивана и Феликс были знакомы, без вариантов. Они это не афишировали, но на некоторых фото с дорогих закрытых приемов они нередко оказывались на заднем плане беседующими о чем-то. А о чем может говорить самовлюбленный телекинетик с девушкой, которая с ранних лет интересуется наукой? Уже то, что Цивана появлялась на этих вечеринках, было показательно. У нее самой страниц в общих каналах не было, она утруждала себя публичностью лишь по необходимости.

Нет, конечно, можно было предположить, что они – несчастные влюбленные, разделенные суровым правительством и прочими неприятными людьми. Однако ни на одном фото они не смотрелись парой. Они не касались друг друга, не улыбались друг другу. Во время бесед с Циваной Феликс выглядел куда более серьезным, чем на марсианской миссии. И продолжалось это не один месяц – они общались годами!

Стерлинг пошел дальше, он проверил ближайший круг общения их обоих. Там тоже хватало интересного: когда Феликс долго не виделся с Циваной напрямую, он пересекался с кем-то из ее подруг, причем не богатых тусовщиц, а таких же серьезных представительниц бизнеса, как она сама.

Это делало ситуацию намного сложнее, чем они ожидали. Они-то думали, что любые проблемы с Феликсом связаны с его личными предпочтениями! Избалованность, наглость – как будто он единственный первый номер, поддавшийся такому... Но заговор – это совсем другое дело.

Хотя одно не исключало другое, а, скорее, порождало его. Возможно, Феликс и правда устал от правил и запретов. Он многим пресытился, и удовольствие ему было способно доставить лишь то, что флот никогда бы не разрешил.

Телекинетик прекрасно знал, что никто не даст ему уйти в отставку. Его грандиозный дар был не только преимуществом, но и недостатком. За такую силу многое прощали, но ее никогда не упустили бы из виду. Если бы Феликс попытался настаивать на увольнении, да еще и в таком юном возрасте, он бы быстро узнал, что случилось с Виридианой Тассин, даже не интересуясь этим вопросом.

Так что он не осмелился бы дергаться. Другое дело, если бы ему стало известно о грядущем грандиозном восстании, способном пошатнуть власть флота. Оно сулило ему немало возможностей, и он решил примкнуть к опасному плану.

Это многое меняло, придавая нынешней нервозности телекинетика совершенно иной смысл. Они-то думали, что Феликс переживает, потому что подставился! И он действительно подставился – только не здесь и куда раньше. Ему, как и Стерлингу, стало известно, что его хозяева под ударом. Теперь он отчаянно пытается разобраться: бежать прямо сейчас, подтверждая свою вину, или выждать, понадеяться на удачу?

Он не слишком терпелив, он, скорее всего, предпочтет бегство – и станет еще одной крупной проблемой флота. За ним нельзя наблюдать со стороны, его нужно задержать, немедленно!

Все это Стерлинг планировал сообщить Телиле. Он не сомневался, что она поверит ему, но на всякий случай скопировал на внутренний диск все данные – как доказательство на суде. Для задержания этого хватит!

Он даже успел покинуть зал, спустился на первый этаж... Но дверь так и не миновал. Потому что на пути к этой двери теперь стоял Феликс Рит собственной персоной.

Он не улыбался и не делал вид, что попал сюда случайно. Должно быть, ему сообщили, где Стерлинг – и он сделал правильный вывод. Ну а киборг, сам того не желая, этот вывод только что подтвердил, шарахнувшись от Феликса, как от того самого существа, что дремало нынче в недрах Марса.

Похоже, Стерлинг только что помог телекинетика принять финальное решение...

* * *

Бенни велели ждать. Официально ее миссия продолжалась: Виндар поручил ей охранять Тео. Но они оба знали, что охрана ему больше не требуется, их всех подняли на борт одного из кораблей, принадлежащих Черной Армаде.

Корабль пока завис в небе Земли, дожидаясь нового приказа. Иарлайт все еще не был найден, равно как и предатели из числа легионеров, это и стало причиной задержки. Бенни хотела помочь, ее сжигало чувство вины: она же была рядом с Иарлайтом, когда все началось, как она могла его упустить?!

Но ответа не было, и никто пока не представлял, куда делся киборг. Или, может, Бенни просто не раскрывали правду, считая, что телекинетик только будет путаться под ногами. Виндар ведь на корабле не задержался, он улетел куда-то, так что на борту с Тео осталась только Бенни – и команда солдат, разумеется.

Она ожидала, что это тоже окажутся телекинетики, Черная Армада славилась в первую очередь ими. Однако миссию на Земле признали не слишком опасной, сюда направили в основном обычных людей. Решение адмирала оказалось верным, они справились без потерь. И все же Бенни предпочла бы видеть рядом с собой обладателей специальных способностей: им она могла бы порекомендовать присмотр за Тео, а сама занялась бы поисками Иарлайта!

Но солдаты помогать ей не рвались, похоже, Тео их напрягал. Они даже не задержались в большом зале, который использовали для хранения мобильной платформы. Так что Бенни осталась наедине с Тео – и с беспокойством, сжигавшим ее изнутри. Она не верила, что Иарлайт погиб, он просто не мог! Но в душу уже прокрадывались, жалили тревожные мысли: что же она будет делать, если он действительно умер в нескольких шагах от нее?

Чтобы отвлечься от нарастающего страха, Бенни повернулась к своему молчаливому спутнику:

– Ты ведь на самом деле ничего не понимаешь, не так ли? Я все это придумала?

Единственный глаз Тео смотрел на нее, не моргая. Можно было приписать ему понимание или сочувствие, однако Бенни признавала: он сосредоточился на ней, потому что других источников звука поблизости не было.

– Конечно, придумала... Насколько я поняла, ты в таком состоянии очень много лет. Даже если бы оно было уникально и телепаты не смогли его распознать, уж своему брату ты сказал бы!

Она говорила с ним, просто чтобы разрушить тишину. Однако когда слова прозвучали, Бенни вдруг поняла кое-что важное, будто и правда беседовала с Тео.

– Нет... Нет, ты бы не сказал! Наоборот, он стал бы последним человеком, которому ты позволил бы узнать об этом! Ты ведь любил своего брата... Я не знаю все подробности, нам рассказали лишь часть истории. Но, если я правильно понимаю, ты стал таким, пожертвовав собой ради него. Ты бы не хотел, чтобы он узнал, насколько сильно ты страдаешь. Ты бы не позволил ему... Ты бы защитил его, потому что так поступают с любимыми – их берегут до самого конца...

И снова ничего. Ни медленно опущенного века, заменяющего кивок, ни осмысленного взгляда. Только немое безразличие того, кто давно далек от этого мира.

Однако собственная теория уже прицепилась к Бенни навязчивым призраком. Это ведь может быть правдой... Но если так, насколько чудовищная получилась жизнь! Не жизнь даже, а существование в останках собственного тела, в одиночестве, которое нарушается лишь очередным экспериментом, связанным с попыткой убить.

Бенни уже пожалела, что начала думать об этом, она попыталась отстраниться от собственной теории. У нее даже почти получилось, а потом ее за один миг накрыла ледяная волна страха. И это было не сочувствие несчастному Тео, не ужас от его участи, которая никому, кроме него, не могла навредить. Бенни испытывала испуг зверя, который уже знает, что хищник рядом, хотя и не видит его.

Это было похоже на то, что она чувствовала раньше, еще на подводной базе – когда Тео якобы предупредил ее. Видимо, он делал это снова... Бенни понимала, что она на корабле союзников, она в безопасности, и все равно предпочла поверить. Она собрала все свои силы, закрыв себя и Тео энергетическим барьером.

Как оказалось, вовремя, потому что в следующую секунду в этот барьер врезался, распускаясь огненным цветком, термозаряд средней мощности. Такого было бы достаточно, чтобы испепелить телекинетика за считанные секунды – да не сложилось.

– Надо же! – донеслось со стороны входа. – Кто бы мог подумать, что у этого ребенка неплохая интуиция! Или мы с тобой прокололись на старости лет?

Двери в зал были открыты с самого начала – просто потому, что не возникало необходимости их закрывать и уж тем более запирают. В коридоре работала автоматическая система освещения, которая реагировала на движение. Бенни знала: как только кто-то приблизится к залу, свет предупредит ее заранее.

Но это в нормальных условиях. Если же кому-то хотелось остаться незамеченным, систему не так сложно было сломать.

Именно этого и добились легионеры, появившиеся из темноты. Не четверо, двое – но двое сильнейших, Вира и Омелиан. В какой-то момент Бенни ожидала, что сейчас появятся и солдаты Черной Армады, скажут, что они тоже продались, что и она должна сдаться...

Однако солдат не было даже поблизости, и уже это намекало на их печальную участь. Бенни подозревала, что стоило ей снять барьер – и она скоро почувствовала бы распространяющийся по воздуху запах крови. Но она не собиралась подтверждать свои догадки такой ценой.

То, что корабль оставался в небе, не двигался с места и не выл сигналом тревоги, ничего не значило. Даже одного сильного легионера было достаточно для зачистки, а сюда явились двое.

Получается, они затеяли диверсию... Похищение Иарлайта было отвлекающим маневром – а может, и еще что-то, Бенни не бралась сказать наверняка. Она лишь видела, что легионеры готовы идти до конца. Да и что им оставалось? Руководство их не простит, чтобы выжить, им требовались могущественные покровители. Ну а такие покровители, в свою очередь, не обращали внимания на былые заслуги, только на то, может им быть полезен человек или нет. Так что Тео для многих стал главным козырем в этой игре.

На пути к этому козырю осталась только Бенни. Вира, которая и обращалась к ней, изо всех сил старалась казаться насмешливой, но чувствовалось, что она взбешена. Она и Омелиан явно надеялись завершить все быстро, они ведь тоже в опасности: как только другие корабли заметят, что команда этого не выходит на связь, сюда прибудет сила, с которой даже двум легионерам среднего уровня не справиться.

Это вроде как должно было поддержать Бенни, однако до спокойствия ей оказалось далеко. Она видела, что легионеры прекрасно вооружены, знала, что сил им тоже не занимать. А выдержка телекинетика измеряется не временем, тут важнее энергия, которую приходится использовать для обороны. Чем активнее они будут атаковать, тем сложнее Бенни станет удерживать барьер.

Но это все, что ей оставалось. Напасть на них она не могла, как и позволить себе иной вид обороны. Их ведь двое, и пока один будет отвлекать Бенни, второй вполне может забрать Тео. Так что уберечь его она могла лишь барьером... Вопрос только в том, сколько это будет получаться.

Легионеры тоже знали, что ожидание не в их интересах. Вира выпустила в сторону телекинетика несколько скоростных гранат, разорвавшихся одна за другой. Навредить Тео они определенно не боялись, знали, что он выживет при любом раскладе.

Черeda взрывов слилась в один, огненной волной прошедший по залу. Жар поднялся такой, что оставил черный след на стенах и потолке, взвывла пожарная сирена, но Омелиан, поморщившись, избежал от ближайшего динамика одним метким выстрелом.

Бенни удержала блок, однако руки обожгло неприятным жаром, граничащим с болью ожога, а сила взрыва чуть сдвинула телекинетика назад. И все же барьер сохранился, и чувствовалось, что легионеры этому совсем не рады.

Омелиан подошел вплотную к Бенни – так, что его и девушку теперь разделяла лишь тонкая стена энергии. Это напрягало, но изменить телекинетик пока ничего не могла. Поток энергии лучше поддерживать неизменным, любой новый прием – это всегда риск... Проще говоря, ей нужно было делать то, что начала, даже если под взглядом легионера страшно до тошноты, до дрожи.

Она предполагала, что Омелиан сейчас что-нибудь скажет, ведь он выглядел совершенно спокойным, почти доброжелательным. Но нет, у него оказались иные планы: все с тем же умиротворенным выражением лица он размахнулся и ударил.

Если бы Бенни не удержала барьер, этот удар не то что переломал бы ей лицевые кости – снес бы голову. Вполне реальная угроза – шейные позвонки уязвимы. Она представила это настолько ярко, этот чудовищный, кровавый финал, что чуть не сорвалась. Если бы она дрогнула, все бы закончилось, но в последний момент ей вдруг стало легче. Так бывает, когда ты сильно замерз, но кто-то накинул тебе на плечи теплое одеяло, и это пока мало что изменило, однако тебе уже чуть проще – и ты знаешь, что будет лучше. Потому что у тебя есть источник тепла и потому что кому-то не все равно.

Хотелось обернуться к Тео, улыбнуться ему, поблагодарить, даже без каких-либо доказательств, что это сделал он. Но Бенни не могла себе такого позволить, ничего еще не закончилось.

Омелиан попытался ударить три раза подряд, быстро, почти без пауз, и три раза она выдержала – на этот раз телекинетик даже не сдвинулась с места. Она не сомневалась, что легионер в ярости, но он сумел это скрыть. Омелиан отступил на пару шагов и кивнул.

– Неплохо. Достойно уважения – и переговоров.

– Какие с ней переговоры? – возмутилась Вира. – Нужно дожимать!

– Дождем, но для начала дадим ей шанс – это недолго.

– Дайте угадаю... Присоединиться к вам и править миром? – язвительно поинтересовалась Бенни.

– С нами тебя никто не зовет, – покачал головой Омелиан. – Ты упряма, но полезна ты не будешь, и мы просто даем тебе шанс остаться в живых.

– Я пока и так неплохо себя чувствую.

– Долго ли это продлится? Ты с трудом сдержала огонь, с таким же трудом – мой удар. А если это будет вместе? Сколько ты продержишься?

– Сколько нужно!

Прозвучало уверенно, и Бенни вполне могла гордиться собой за такую актерскую игру. Вот только на самом деле до уверенности ей было далеко. Она изначально сомневалась насчет того, справится она или нет. Теперь, когда она получила возможность оценить атаки легионеров, ее вера в успех резко снизилась.

Они продолжают атаковать, они в отчаянии. Она продолжит сопротивляться. Может быть, дождется помощи, но, скорее всего, нет. Она погибнет в момент, когда дрогнет барьер, даже не сообразив, как это случилось. Умрет, сгорит, и Тео все равно достанется им... Так не лучше ли перейти к такому результату сейчас, пока она жива?

Именно это и предлагал Омелиан:

– Сократи площадь защитного поля. Пусть Тео окажется за ее пределами, и мы заберем его. Мы уйдем, ты останешься в живых. Ты знаешь, что сделка состоится, ты ничем не рискуешь.

Да, она могла выжить – и снова увидеть Иарлайта, и, может, найти этих легионеров и отомстить... Или нет. Возможно, Иарлайт уже мертв – как раз из-за их предательства! А даже если он жив, сможет ли она смотреть ему в глаза после такой слабости? Что, если без Тео и Марс будет потерян?

Она не знала наверняка. Она должна была держать барьер.

– Это уже тот момент, когда я посылаю тебя на хрен, или за секунду до него?

– Я же говорила! – раздраженно закатила глаза Вира.

– Ничего, сейчас наверстаем, – пожал плечами Омелиан. – Я надеялся, что она достаточно умна, чтобы не связываться с легионерами!

Ну, вот и все. Они готовы были начать ту самую битву, окончание которой Бенни, скорее всего, не увидит. Однако теперь, когда она сделала выбор, на душе почему-то стало легко. Может, снова Тео помог. А может, подсознательно именно этого она хотела с самого начала – не предавать никого, начиная с себя.

Так что она была готова к любому испытанию, но оно так и не состоялось. Помешал звонкий и мелодичный женский голос, вдруг ворвавшийся в зал:

– Божечки, ребята, а вы легионеры? Прямо настоящие легионеры? Никогда не видела, но столько слышала! А можно автограф или что там просят у знаменитостей?

Бенни и ее противники одновременно посмотрели в сторону выхода. А оттуда к ним уже приближалась азиатка, молодая и очень красивая – с мягкими чертами лица, вороными волосами и голубыми, как небо Земли в ясный день, глазами. Она выглядела искренне смущенной в миг встречи с кумирами, она была одета в гражданские вещи – брюки из плотной ткани, рубашку, куртку... Она краснела и отводила взгляд. Она была такой обычной во всем, кроме

одного: она никак не могла оказаться на космическом корабле, зависшем над тайной базой Легиона.

И тем не менее, она была здесь. Уже это намекало, что женщина не так проста, как старательно пытается казаться. Но гораздо большее значение для Бенни имело то, с каким ужасом на нее уставились оба легионера. Именно с ужасом, от злости и наглости вмиг не осталось и следа!

– Вы... – только и смогла произнести Вира.

Омелиан взял себя в руки куда быстрее, он торопливо начал объясняться:

– Я понимаю, как это выглядит, но все намного сложнее! Дело в том, что эта девушка...

– Не хочу знать! – капризно прервала его азиатка. – Мы же не сказители какие-нибудь, мы легионеры, а легионеры славятся своими боевыми способностями. Деритесь!

Одними словами она не ограничилась: женщина метнула в них обоих тонкие лезвия, смазанные кровью, причем сделала это так ловко, что никакая скорость не помогла легионерам уклониться. На миг они замерли, и замерли странно: казалось, что им хочется двинуться, они просто не могут. Мышцы заметно напрягались под кожей, вены вздувались от усилия, однако тела оставались на месте.

Так продолжалось где-то с минуту, которая показалась вечностью всем, кроме беспечно улыбающейся азиатки. Потом Омелиан и Вира сорвались с места, атаковали, но не свою обидчицу, а... друг друга. И они не делали вид, что дерутся, они действительно дрались.

Они не хотели этого. На их лицах застыл все тот же беспомощный ужас, который изначально внушила им молодая азиатка. Но что бы ни творилось в этот миг у них на душе, их тела действовали без оглядки на это.

Недавние союзники били друг друга так, будто добрались до главного врага своей жизни. Вира первой начала паниковать, потому что она была намного слабее. Она глазами молила Омелиана остановиться, но при этом не произносила ни слова. Это молчание дорого ей давалось: Бенни даже издали видела, что ее челюсти сведены спазмом, а губы как будто склеены.

Омелиан наверняка заметил то же самое, однако бить слабее не стал. То ли не мог, то ли не хотел, наивно полагая, что победителя азиатка пощадит.

Когда пришел момент добить проигравшую противницу, он тоже не медлил. Вира повалилась на пол, залитый кровью, а Омелиан не дал ей подняться. Он прижал ее к полу своим весом, бил в одно и то же место снова и снова – сначала в голову, потом в то, что от головы осталось... Бенни не смотрела, отвернулась, однако барьер так и не убрала. Она не была уверена, что враг врага в этом случае друг.

Когда с недавней напарницей было покончено, Омелиан и сам недолго удержался на ногах. Вира дорого отдала свою жизнь: даже более сильный легионер был изранен так, что не мог подняться. Азиатка подошла ближе, а он замер на полу перед ней, глядя на нее со странной смесью ненависти и надежды.

– Красиво выступили, – оценила она. – Так сказать, напоследок. Но вы не нужны ни Легиону, ни этой планете. Мы все слишком дорого заплатили за поступки предателей, чтобы оставлять их в своих рядах. Лови финальные аплодисменты!

Она занесла над лежащим легионером ногу, и Бенни тут же зажмурилась, она и так увидела сегодня слишком много такого, что с радостью растащат себе ее грядущие ночные кошмары. Если, конечно, она до них доживет... Но от тошнотворного звука, взлетевшего к потолку, она все-таки защититься не смогла.

Когда Бенни рискнула снова открыть глаза, молодая азиатка стояла прямо перед ней, но напасть не пыталась, просто разглядывала с любопытством.

– А ты молодец! – оценила она.

– С-спасибо? – неуверенно отозвалась Бенни.

– Нет, правда-правда, очень даже достойно продержалась! Но барьер можешь убирать. Меня ты им все равно не остановишь, так это и не нужно, я на стороне хороших ребят! А,

и забыла представиться: Шарлотта Мю, номер в Легионе – 6... точнее, теперь уже 3, как я понимаю. Кажется, мы с тобой пересекались на Феронии? Или нет? Не веришь мне, спроси у Тео, он меня знает. Привет, Тео! Я за тобой.

* * *

Утро помогло, но утро всегда помогало. Еще вчера Аделине казалось, что весь мир против нее и она просто не справится. Ей хотелось бросить все, просто улететь на какую-нибудь далекую планету, желательно тропическую, и устроить себе отпуск. А что такого? Деньги позволяют!

Деньги, но не карьера. Аделина слишком долго строила свою репутацию и знала, что одна такая выходка ее не погубит, однако жизнь точно усложнит. Поэтому она заставила себя сдержаться, просто пойти на массаж, выпить вина и отправиться спать.

Старый-добрый трюк сработал: она проснулась отдохнувшей и готовой к бою. Не важно, что там выковырял из неизвестного места Вернон, как он это добыл. Аделина могла опровергнуть любые его слова, даже правду. Придется постараться, но ведь сложные победы самые сладкие!

Она быстро привела себя в порядок: отыскала мерцающее серебром платье, подобрала туфли на вызывающе высоком каблуке. Взглянула в зеркало, чтобы убедиться: светлые волосы лежат идеальными волнами.

В этот миг в памяти мелькнуло нечто странное... Как будто в отражении она – и одновременно не она. Вместо уверенной красавицы – заплаканная девчонка. Кричащая что-то, предупреждающая, но зеркало безжалостно пожирало звуки...

Аделина тряхнула головой, отгоняя наваждение. Отражение снова стало прежним, таким же идеальным, как женщина, стоящая перед зеркалом. Вот, так-то лучше! А видение... Это, должно быть, отголоски вчерашнего стресса, не следует уделять им слишком много внимания.

Завершив подготовку, Аделина вызвала своего личного секретаря и распорядилась:

– Устрой мне переговоры с командой юристов «Аско», немедленно! Сначала с ними, согласуем общую стратегию, потом можно будет и остальных к ней подвязать.

– Похоже, большие боссы в истерике... – робко сообщил секретарь. – Они вчера пытались связаться с вами, но почему-то не смогли...

– Потому что работать нужно не в истерике, а так, как нужно, – назидательно произнесла Аделина. – Ничего, поплачут и успокоятся.

Ситуация и правда складывалась паршивая, но это ненадолго. Пускай Вернон торжествует, это пройдет... Аделина сдержанно улыбнулась, предчувствуя момент, когда она этого наглеца все-таки поимеет.

* * *

Киган не брался даже сказать, что было высшим проявлением наглости со стороны Феликса. То, что он решил вот так нагло убить Стерлинга – убить одного из своих, среди мегаполиса, в разгар дня! Или то, что он предпочел сделать это медленно. Сил телекинетика хватило бы, чтобы киборг умер за долю секунды, даже не успев сообразить, что с ним произошло.

Но такой расклад не устраивал Феликса. Ему определенно хотелось, чтобы его жертва почувствовала все: медленное разрушение собственного тела, тот предел, за которым становится ясно, что спасения не будет, никакой хилер не поможет... В этом нет никакого практического смысла, только абсолютное, чувственное даже наслаждение садиста.

Однако именно это удовольствие, которым решил побаловать себя Первый, спасло Стерлингу жизнь. Потому что, если бы телекинетик предпочел быстрое убийство, у Кигана был бы шанс отомстить – но не спасти. А теперь он и Рале все-таки успели в срок: намерения Феликса стали настолько очевидными, что отрицать их уже бесполезно, но киборг еще серьезно не пострадал.

– А ведь я всерьез обещал Тимандре, что не буду злоупотреблять своей силой на первом же задании, – вздохнул Рале.

– Ну и зря. Мог бы сразу вспомнить, что наши миссии адекватно не проходят.

Именно Рале первым заметил неладное. Он, работавший в общем компьютерном центре, услышал, как Феликс выспрашивает о киборге с «Северной короны». Номер 1 не был связан со Стерлингом, у них не было причин общаться... Так зачем же он искал киборга? Не потому ли, что именно Стерлинг первым завел речь о расследовании и трибунале?

Разбираться со всем самостоятельно Рале не собирался, он здраво оценивал свои нынешние возможности, поэтому сразу сообщил обо всем Кигану. Уже вдвоем они последовали за Феликсом, который в своей любви парить порой отрывался от них, однако разведывательные дроны, выпущенные в город электрокинетиком, упрощали поиск.

Именно то, что они почти не отстали от Феликса, сейчас спасло Стерлингу жизнь. Киган не задумывался о том, кто сильнее, нужно сейчас бежать или сражаться. Он почувствовал, как давно накапливавшаяся злость на телекинетика смешивается с яростью, которую не могла не пробудить такая вопиющая, такая наглая несправедливость. Поэтому он ударил сразу и в полную силу: послал в сторону Феликса такую молнию, которая простого человека, пожалуй, разорвала бы на части.

Но телекинетик номер 1 оказался очень далек от простого человека. Да, Феликс не готовился ни к чему подобному, он полностью сосредоточился на причинении боли. Однако свой номер он получил вполне справедливо: он отреагировал мгновенно. Он поставил барьер прежде, чем молния сумела его поджарить.

Если бы он успел подготовиться к атаке, он бы уверенно направил эту молнию обратно на них. Однако теперь его все-таки откинуло в сторону, он не успел добить Стерлинга, и уже это можно было считать маленькой победой.

Феликс пробил собой стену и оказался в соседнем зале. Воспользовавшись паузой, Рале перехватил киборга, пытавшегося отдышаться, и подтащил ближе к ним.

– Ты как, живой? – поинтересовался Киган, не сводя глаз с пролома в стене.

– Это возмутительно! – выдохнул Стерлинг. – Вы это видели? Преступление!..

– Серьезные раны есть? – перебил его Рале. – Выживешь без хилера?

– Настоящих ран вообще нет, он... Он давил очень медленно, это как будто... Пресс на грудь опускает – и ты понимаешь, что он раздавит тебя, просто не сразу...

– Не нужно объяснять, – донеслось из соседнего зала. – Они сейчас сами все поймут.

Конечно же, Феликс не пострадал – мрази вообще живучи. Он использовал телекинез, чтобы величественно вплыть в зал по воздуху. Видимо, пытался компенсировать то, что им только что протерли пол. Но Киган не собирался позволять ему эту роль непонятого принца, электрокинетик небрежно бросил:

– Чем только ни занимаются, если с женщинами нелады!

Вообще-то, оскорбление было предсказуемое и не лучшее в арсенале Кигана. Но и шальная пуля порой бьет точно в цель, вот и теперь электрокинетик не упустил момент, когда Феликс заметно покраснел.

– Это тут ни при чем!

– Что, реально? – присвистнул Киган. – Да лучше б ты лечиться пошел, а не мировое господство искать!

– Ты ведь понимаешь, что провоцируешь садиста? – укоризненно осведомился Рале.

– Тут и стараться не надо, он и так на всю голову спровоцированный!

Он надеялся, что злость заставит Феликса действовать импульсивно, допустить побольше ошибок, и это увеличит их шансы на победу. Потому что пока Киган на месте стороннего наблюдателя сделал бы ставку скорее на телекинетика. Да, он один, а против него трое – но это в теории. На самом же деле Стерлинга можно не учитывать, способности Рале относительно невелики, да и Киган оказался далековато в иерархии.

Это не означало, что электрокинетик напуган. Просто на сей раз Киган признавал: придется здорово постараться, чтобы победить... или просто остаться в живых.

Феликс тоже оценивал их потенциал здраво, он не собирался отступать. Он наверняка знал, что его ждет незавидное будущее: побег, роль преступника, противостояние со всем флотом... Он вряд ли хотел, чтобы до такого дошло, но, раз это случилось, собирался отомстить тем, кто его разоблачил, сполна.

– Я нашел доказательство того, что его подкупили! – предупредил Стерлинг.

– Знаешь, от того, что он гаденыш продажный, а не идейный, нам сейчас не легче, – признал Киган. – Но побереги эти доказательства до суда, если кто-то из нас до такого все-таки доживет!

Беседовать с ними и дальше Феликс не собирался, он злился не меньше, чем Киган, пусть и по своим причинам. Он напал – и в их сторону рванулась волна энергии, разглядеть которую можно было только через искажение воздуха.

Рале сумел ее отклонить, и Киган тут же атаковал. На этот раз он не просто выпустил в сторону противника молнию, это ни к чему бы не привело. Он создал вокруг Феликса кольцо из молний, постепенно смыкающееся вокруг него. Рале обеспечил поддержку, отчасти блокируя импульсы Первого, отчасти создавая дополнительные отвлекающие факторы через собственные атаки. Да, каждый из них был слабее, намного слабее – но кто оценил бы их силу, когда они вместе?

Да и Стерлинг не стал несчастной жертвой, которую нужно защищать, хотя сейчас Киган ожидал от него именно такого. Киборг подался вперед, метнул в сторону нечто плоское, прибор, в котором электрокинетик в последний момент распознал противопехотную мину. Он не стал спрашивать, откуда Стерлинг достал эту штуку – хотя жаль было упускать такие вводные для шутки! Но пока было не до того, он направил в мину молнию, чтобы обеспечить взрыв в идеальный момент.

Когда они объединили усилия, Кигану даже показалось, что у них что-то получается... Они пересилили Феликса, нагрузка оказалась слишком большой даже для него! Это было бы так хорошо: закончить эту битву просто с грандиозной усталостью, без ран, без погибших...

Не сложилось. Феликс то ли намеренно поддался, позволяя им наивно поверить в свою победу, то ли просто растерялся от такой многогранной атаки. На те мгновения, которые показали Кигану победой, телекинетик сосредоточил защиту на минимальном поле, окружавшем его, как доспехи.

Но когда Феликс оправился, освоился со своим окружением, защитное поле вокруг него начало расширяться. Казалось, что Первый очутился в эпицентре взрыва, разметавшего все вокруг. До Кигана и остальных этот взрыв дошел уже ослабевшей волной, однако все равно достаточной для того, чтобы смести всех троих с ног. Сквозь стеклянную стену телекинеза вынес их на улицу, бросил на дорогу.

Удар получился такой силы, что на пару секунд у Кигана перед глазами потемнело. В этот миг Феликс мог добить его – а может, и раньше, если бы сделал ударную волну чуть сильнее. Но он опять поддавался тому, что было силой и слабостью садистов: он хотел насладиться моментом. Он вычислил, на что способны его противники, и больше не сомневался, что навредить ему они не смогут. А если так, почему бы не поиграть чуть дольше?

Прежде, чем он опять величественным облаком выплыл наружу, все трое уже поднялись на ноги. Нападать они не спешили, понимая, что им сейчас разумней сосредоточиться на обороне. Киган знал, что на него придется основная нагрузка – как на самый высокий номер. Он просто не представлял, что тут вообще можно сделать!

Однако второй раунд их схватки так и не состоялся. Их отвлекло появление небольшого служебного автомобиля, который, резко развернувшись, остановился возле них. Из автомобиля выбралась Телила, запыхавшаяся, явно перепуганная, но старавшаяся делать вид, что у нее все под контролем.

Она обратилась к Феликсу:

– Пожалуйста, прекратите! Не делайте свое положение хуже, чем уже сложилось!

– Это у меня плохое положение? – поразился телекинетик. – А не у вас, будущие груды кишок на асфальте?

– У вас! – уверенно заявила Телила. – Вы пока еще не представляете, какие неприятности я вам обеспечу!

Киган должен был отдать ей должное: держался этот боевой хомяк неплохо. Да, Телила сжимала кулачки, чтобы унять нервную дрожь. Но голос ее звучал твердо, она не вздрогнула и не отступила, даже когда Феликс подлетел чуть ближе.

– Просто по приколу: на что ты вообще надеешься? – спросил он.

– На вашу цивилизованность, – смущенно улыбнулась Телила. – Скажу честно: ваши дела плохи. Но не безнадежны! Я уже больше года наблюдаю за вами – по поручению руководства, разумеется. На вас составлено подробное досье, оно учитывает не только нарушения, совершенные вами, но и ваши заслуги. Если вы добровольно сдадитесь прямо сейчас, у вас еще есть шанс построить нормальное будущее! После наказания за то, что вы сделали на Марсе.

Феликс слушал ее с предельно серьезным видом до последнего, а потом не выдержал, расхохотался. Киган даже не осуждал его в этот миг, он и сам бы на месте телекинетика не отреагировал иначе. Телила, маленькая, пухленькая, смотрелась какой-то особенно жалкой перед зависшим в воздухе Первым.

– Да что такое ничтожество может мне противопоставить? – сквозь смех поинтересовался Феликс.

– Пожалуйста, не хамите. Я ведь обращаюсь к вам вежливо, хотя вы мне тоже не очень-то нравитесь.

– Так, хватит, надоело, – посерьезнел Феликс. – Если задуматься, это даже унижительно: то, что противостоять мне поставили такую вот жирную свинью, да еще и без способностей. Исчезни!

Он и правда собирался удалить ее. Не убить, а именно удалить: Феликс не считал ее соперницей, в отличие от солдат специального корпуса, он намеревался разрушить ее тело так, как другие отодвигают с пути мешающую им ветку. Он направил на нее сгусток энергии, который должен был попасть ей в грудь, пробить насквозь, быстро – до того, как Рале и Киган успели бы вмешаться.

Однако смертельный удар так и не был нанесен. Энергия напоролась на энергию, взорвалась в воздухе искрами и поглотила сама себя. Но по-настоящему шокировало даже не это, а то, что энергия, спасшая Телилу, не была телекинетической. Девушку защитил идеально точный выстрел, произведенный охраной ближайшего небоскреба – автоматической системой, которая изначально никак не реагировала на происходящее.

Это удивило всех, кроме самой Телилы.

– Вы меня не поняли, – укоризненно посмотрела на Феликса она. – Потому что слушаете только себя! Моя задача – не противостоять вам, а собирать данные о вас. Не было ведь гарантии, что до противостояния вообще дойдет! Но руководство предусмотрело и это. На случай, если вы проявите агрессию, сдержать вас поручено тому, кто равен вам по силе.

Долго гадать, о ком же она говорит, им не пришлось. Город, до этого мертвый, давно уже лишенный обитателей, вдруг ожил. Вспыхнули огни, заиграла музыка в ближайшем парке, двинулись с места автомобили-беспилотники. Ну а главное, ближайший проектор активировался, повернулся к ним – и создал прямо перед Феликсом пятиметровую иллюзию. Это была женщина, но женщина необычная: черный силуэт во тьме, сияющие белым пламенем глаза. Демон, не человек!

Секундой позже из всех динамиков, расположенных на улице, зазвучал синтезированный компьютером, но все равно узнаваемо женский голос:

– Ну что, сучонок самовлюбленный, готов поиграть на равных?

– Фу, как грубо, – поморщилась Телила. – Но по сути верно. Феликс, вы ведь в роли лидера недавно и не со всеми высшими еще знакомы? Так я вас представляю: это Сина Лимаота, моя родная сестра. А еще – киборг номер 1.

Услышав это, Киган невольно покосился на Стерлинга, пытаясь понять, знал ли тот о таком небольшом штришке к портрету потенциальной возлюбленной. Судя по растерянному виду, не знал и даже не догадывался. Да и кто бы догадался на его месте!

А ведь это, если задуматься, возможно и даже не странно... Киборги – единственные представители специального корпуса, которые не родились со своими способностями. Поэтому вполне логично, что у Первого киборга осталась человеческая семья!

И если кто-то из этой семьи тоже служит во флоте, разумно направить его наблюдать за телекинетиком – чтобы киборг не расслаблялся. Хотя выбор все равно очень странный... Обычно при возникновении таких трудностей, как сейчас, телекинетиков стравливали с телепатами. Но киборг? Казалось, что такие способности хуже всего подходят для противостояния Феликсу. Он же сейчас раздавит эту девицу – и дело с концом!

Однако все оказалось не так просто. Начать хотя бы с того, что Феликс ее вообще не видел – ее настоящую. Перед ним стояла только Телила, ее сестра оставалась лишь компьютерной проекцией. А искать ее у телекинетика не было времени: на него набросился весь город.

Сина использовала для атаки все, что могла – включая то, чему изначально не полагалось быть оружием. На Феликса летели дроны, его пытались зацепить энергетические поля, по нему стреляли охранные роботы из ближайших зданий. Атака шла постоянно, телекинетика не доставалось ни секунды покоя, и по сравнению с его нынешним положением недавняя битва с Киганом и Рале казалась просто детской шалостью.

– Она пытается его подавить, – тихо заметил Рале.

О них Сина тоже не забыла: она бросила на их защиту машины с ближайшей стройки и энергетические блоки, которые в прошлом использовались для ловли нарушителей. Хотя это было скорее подстраховкой с ее стороны: Феликс едва успевал отбиваться, ему было не до нападения.

– Что ты имеешь в виду? – отвлеченно спросил Киган, наблюдая, как раздробленные телекинетиком дроны собираются заново сами собой.

– Способности любого телекинетика нужно подстраивать под определенный вид материи. Разное оружие – разная защита. Из-за этого несколько видов слабого оружия для нас опасней, чем один вид сильного.

– А она использует очень много видов, – заметил Стерлинг.

– Да, и многие из них далеко не слабые. Смотри, Феликс уже нервничает... Он понимает, что может проиграть!

Он действительно это понимал: ярость в глазах Феликса сменилась испугом, движения стали нервными, быстрыми... пролилась первая кровь.

Но он оказался не из тех, кто сражается за своих руководителей или за идею до конца. Когда стало ясно, что победить киборга он не сможет, Феликс рванул из последних сил, принял несколько ранений и все же смог взлететь, очень скоро он скрылся в небе Марса.

– Ссыкло трусливое, – прокомментировала Сина, которой явно остро не хватало безупречных манер сестры.

На этот раз Телила извиняться за нее не стала. Она смотрела только на Стерлинга – а он в свою очередь изучал разрушенную битвой улицу и делал вид, что ничего больше не замечает. Со стороны могло показаться, что так он пытается наказать Телилу, только Киган знал, что это неправда. Просто киборг сейчас растерян, он на незнакомой для него территории, он не знает, как правильно реагировать... да и кто бы на его месте знал?

Скорее всего, Телила сейчас предпочла бы остаться с ним, объяснить ему все, но она не могла – она все еще была при исполнении.

– Мы изучали способности Феликса очень внимательно, – сообщила она. – Он умеет летать, но только в пределах атмосферы, самостоятельно он Марс не покинет. Предполагаю, что нашей новой миссией станет его поимка, но это после моего официального доклада. А пока я предлагаю нам всем познакомиться заново...

* * *

Многие любят говорить, что однажды заглядывали в бездну. Кто-то ищет красивую метафору для собственного уныния, а кто-то просто оказывается не готов к самому обычному взгляду в иллюминатор космического корабля. Стефан обычно не гнался за такими величественными определениями и уж тем более философскими цитатами не к месту. Разве что язвительности ради – и то не на миссиях.

Однако сегодня думать иначе уже не получалось. Такого ощущения не было, когда он забирался в похожую на гроб капсулу и когда он парил над пустотой. Оно не появилось, когда Стефан почувствовал близости колонию. Он думал, что справится – телепатия поможет, должен выдержать! Ну а потом все изменилось.

Я смотрю на бездну.

Бездна смотрит на меня.

Когда он только обнаружил колонию, это не было полноценным контактом, они напоминали двух незнакомцев, которые просто заметили друг друга на улице – но при этом не имеют друг для друга значения. Перемены наступили, когда колония каким-то образом распознала его. Даже через расстояние, через защиту капсулы и те блоки, которые пытался выставить Стефан... Бесполезно, он уже был обнаружен.

Форма жизни, порожденная Шидонаем, была далека от полноценного разума и мир она познавала по-своему. Теперь она отчаянно тянулась к Стефану, чтобы коснуться его по-настоящему, попробовать слиться... Скорее всего, преуспеть и запустить перемены, к которым никто не готов.

Ему нужно было что-то сделать, а он не представлял, что именно. Стефану вдруг показалось, что он на самом деле уже там, снаружи. Существа утянули его к себе, и теперь он среди грозных облаков, разлетается на части в реальности, которая для людей никогда не предназначалась.

Столкнуться с колонией – не то же самое, что найти давно потерянного родственника. Стефан будто стоял посреди темной долины из свинцовых облаков и наблюдал, как к нему приближается... он сам. Но не зеркальное отражение, а мертвый, изгнивший, замотанный в обрывки формы, перемежающиеся с лоскутами окровавленной кожи...

– Стефан!

Голос телепатки вывел его из оцепенения, но по-настоящему не спас. Стефан слишком хорошо чувствовал: колония снаружи, прямо над ним, за барьером из металла, который неожиданно перестал быть таким уж крепким. Колония ищет вход, ее успех лишь вопрос времени.

Альда тоже знала обо всем этом, у нее не было решения, он чувствовал. И все равно она звала его...

– Что тебе нужно? – спокойно поинтересовался он.

– Ты что, реально не слышал вопрос?

– Я пытался выйти на связь с колонией. Что за вопрос?

Это было почти правдой – за исключением того факта, что ничего он не пытался, он вышел на контакт просто потому, что ему не оставили выбора. Но обсуждать это со своими спутниками Стефан не собирался, он намекнул, что лучше сразу переходить к делу.

– Вопрос был мой, – кивнул ему Матео. – Может ли легионеру навредить огонь?

– Смотря какому. Ниже номера эдак сто пятидесятого – может. Высшим просто будет неприятно, а потом они исцелятся и оторвут тебе голову. Но об этом можешь не волноваться – никто из нас не доживет до таких экспериментов.

На последнюю фразу Матео не обратил внимания, он остался спокоен.

– Получается, любая уязвимость в легионере от человека? – допытывался он. – Если я направлю электричество на колонию, она этого даже не почувствует?

– А вот не факт! – возразила телепатка. – Насколько я могу судить, здесь, в своей естественной среде обитания, колония старается не касаться молний.

– Но вряд ли молнии могут ее убить, – покачал головой легионер. – Если бы это было так просто, эта форма жизни не закрепилась бы. Просто в ударе током она не видит ничего приятного. Не осуждаю.

– А ведь может хватить и этого, – задумалась Альда. – Из всех легионеров ближе всего к первородной материи подошел Рафаль, так?

– К сожалению.

– Я помню, как он вел себя на Марсе... Уже после полного перевоплощения. Убить его было невозможно, но если кто-то причинял ему боль или вред, он на время отступал, чтобы изучить это явление, и только потом нападал снова.

– На что-то подобное я и надеялся, – слабо улыбнулся Матео. – Теперь слушайте внимательно, на повторение нет времени. Альда, свяжись с капитаном и скажи, чтобы они подготовились к срочному подъему. Я устрою нашим безбилетным пассажирам приятное знакомство с миксом огня и молний. Если все сложится как надо, они отступят хотя бы ненадолго. Этот миг нужно будет использовать, чтобы вырваться, подняться выше их среды обитания.

План был не просто рискованный – сумасшедший, почти самоубийственный! А еще это был план, который мог сработать.

То, что колония пыталась добраться до Стефана, доказывало, что эта форма жизни способна на сложные реакции. Если боль окажется достаточно сильной, она должна будет отреагировать. Вопрос лишь в том, способен ли Матео причинить ей такую боль.

Стефан не отрицал, что электрокинетик силен. Пожалуй, даже сильнее, чем предполагает присвоенный ему номер, такое в спецкорпусе бывает. Но Матео устал, он уже несколько часов отражал молнии Шидоная, по сравнению с которыми молнии Земли показались бы крохотной искоркой статического электричества на шерстяных носках.

Быстрая телепатическая проверка показала, что Матео действительно пугающе близок к пределу. Некоторые внутренние органы уже повреждены, кости опасно прогрелись. Его сил может не хватить... или его жизни, это тоже вариант.

Похоже, его проверила и Альда, ее беспокойство стало очевидным. Матео заметил ее реакцию прежде, чем телепатка успела заговорить с ним.

– Другого пути нет, – жестко произнес Матео. – Да, я могу умереть. Но можем умереть и мы все. Так что вместо печальных взглядов займитесь подготовкой!

Относилось это только к Альде, Стефан сейчас не мог сделать ровным счетом ничего. Не потому, что ему не хватало сил – он, в отличие от своих спутников, никакого утомления не

чувствовал. Просто даже самая грандиозная сила становится бесполезной, если она оказалась не к месту и не ко времени.

Стефану только и оставалось, что закрыть глаза, наблюдая за колонией. А она будто уже коснулась его, пробралась под кожу, ползает теперь внутри, сплетаясь с кровью... Пока это было лишь телепатическое проникновение, но и оно стало его личной бездной.

Зато благодаря этой связи Стефан четко уловил момент, когда Матео ударил. Электрокинетик прекрасно знал, что попытка у него будет всего одна, и себя он не пожалел. Молнии и пламя слились, полыхнули на металлической поверхности капсулы, на несколько секунд превратив ее в маленькое солнце.

И колония отреагировала как надо! Существа, обожженные, настороженные, отскочили, позволили ветру отнести их чуть дальше. Путь был открыт, Альда тут же сообщила об этом, и капсула резко дернулась, начиная аварийный подъем.

Только Матео этого уже не почувствовал. Когда Стефан открыл глаза, он обнаружил, что электрокинетика удерживают в кресле только ремни безопасности. Матео выглядел жутко: кожа не просто побледнела, стала серой, изо рта, носа и ушей струится кровь, глаза тоже наверняка залиты алым, просто веки это скрывают, внутренние повреждения чудовищны, и запах обожженной плоти, повисший в воздухе, служит лучшим тому подтверждением...

Но при этом электрокинетик жив, вот что важно! Стефан даже подозревал, что при должных усилиях Альда смогла бы привести его в себя и вынудить использовать последнюю энергию. Однако она не стала, ведь для Матео это было бы верной смертью.

Альда приняла на себя его роль, она сосредоточилась на защите. Она окружила капсулу телекинетическим барьером, стараясь адаптировать его ко всему. Она не издала ни звука, когда два троса лопнули одновременно и капсула чуть накренилась. Альда просто выровняла «Данте-9», и они двинулись дальше, уже наверняка с поддержкой Делии.

Они должны были спастись, но такой сценарий, похоже, не устраивал Шидонай. Уже в верхнем слое атмосферы планета рыкнула на них, ударила одной из тех странных энергетических волн, которые компьютер так и не смог опознать.

Капсулу затрясло, внутри взвыла тревога, со стороны панели управления во все стороны брызнули искры. Пожалуй, если бы подъем шел только за счет тросов, «Данте» давно бы полетела вниз. Но капсулу поднимала Делия, и на таком расстоянии она бы ничего не упустила.

И все равно урон был нанесен. Тот, которого они не ожидали – и к которому не могли подготовиться. Сначала Стефан увидел полные ужаса глаза Альды, потом проследил за ее взглядом и тоже прочитал высветившееся на экране оповещение.

Отсек с разведывательными зондами был поврежден настолько сильно, что открылся, выпуская с таким трудом добытые образцы колонии.

Шидонай вернул свое.

Глава 3

Все не должно было закончиться вот так. После всех усилий, потерь, после чудовищного риска – взять и сдать? Потому что второй попытки не будет: если изначально все еще допускали, что на Шидонай можно спуститься несколько раз, то теперь точно нет. Они знают, что планета куда опасней, чем предполагалось, капсула повреждена, тросы порваны. Этот спуск пережить бы, ни о каком повторении и речи быть не может!

Так что если колония не будет поймана сейчас – она не будет поймана никогда, а упустить победу, когда она была так близко, куда сложнее, чем и вовсе ее не видеть. Все это Альда поняла за долю секунды и... удержала.

Когда она только-только выпустилась из академии, она не была способна на нечто подобное. И если считать лишь прошедшие дни, времени миновало не так уж много. Но если сосредоточиться на событиях – целая жизнь, и та, прошлая, Альда вряд ли узнала бы нынешнюю.

Зато нынешняя знала, что такое высшая цель, затмевающая все остальное. Во многом именно поэтому ей удалось телекинезом дотянуться до одного из зондов и удержать его. Альда хотела бы поймать оба, хотя бы попытаться, увеличить шансы на победу, да не сложилось. Одна металлическая клетка все-таки рухнула вниз, в кипящую смертью атмосферу Шидоная. Зато вторая осталась, задержалась, привязанная к «Данте» тысячами невидимых энергетических нитей.

Это оказалось намного сложнее, чем Альда предполагала. Ей почему-то казалось, что удерживать небольшую и совсем не тяжелую сферу будет легко. Она ведь поднимала и куда больший груз, да она однажды конгломерат с места сдвинула! Однако даже это не избавило ее от определенной наивности: с чего она взяла, что на такой миссии вообще способно быть нечто простое?

Зонд на Земле и зонд на Шидонае – два принципиально разных объекта, даже если это один и тот же зонд. На восприятие его веса влияла сила притяжения планеты, и бродяга требовал свое куда активней, чем прирученная людьми Земля. К тому же Альде приходилось постоянно сопротивляться движению тысячи ветров, уберегать зонд от энергетических вспышек, уже один раз чуть не отнявших его... Это было не просто телекинетическое удержание, от Альды требовался предельно точный контроль.

И она понятия не имела, как долго она сможет такой контроль поддерживать. Альда ведь уже устала, она защищала капсулу не так активно, как Матео, и все равно она потратила немало энергии. Движение не прекратилось, они по-прежнему оставались во власти Шидоная, и ей приходилось одновременно оберегать капсулу и держать зонд.

Альде казалось, что она чуть ли не видит энергию, покидающую ее тело... Естественно, на самом деле увидеть это было нельзя, но усталость делала иллюзию слишком уж реальной. Как будто вместе с силой она отдает кусочки собственной плоти, она сама растворяется, испаряется... Еще немного – и не будет ее, останется только кровавая взвесь внутри камеры.

Это можно было воспринимать как последнее предупреждение от ее организма, которому совсем не хотелось умирать. Альда прекрасно помнила: телекинез ограничен ее потребностью в выживании. Чем больше силы она берет, тем большему риску себя подвергает. Обычно, если она пыталась взять дополнительную энергию, ее способности просто отключались.

А теперь все было иначе. Нагрузка отзывалась болью во всем теле, сначала ноющей и едва различимой, но с каждой секундой – все более острой. Альда чувствовала, как лопаются сосуды, как скользят по коже горячие ручейки крови. Она ощущала и внутренний импульс, пытавшийся заблокировать ее способности, чтобы спасти ее. Если бы она поддалась, она бы просто потеряла сознание на пределе истощения, совсем как Матео.

Но она не имела права поддаваться и спасти себя любой ценой. Даже для Матео все было иначе... Потому что ему остались только месть и память, а Альда еще не утратила надежду спасти, и это меняло все.

Поэтому она не позволила себе послабление, даже когда сердце колотилось так сильно, что казалось: оно не выдержит, взорвется в груди кровавой волной. Ну и пусть! Пусть даже так, зато она будет знать: она не подвела Триана, она действительно сделала все, что могла. Никакой иной исход Альда не приняла бы.

Похоже, Стефан понял это, потому и не вмешивался. Помочь ей легионер сейчас не мог, его способности для такого не подходили, а вот помешать – вполне. В телепатии Альда в этот момент была уязвима, и, если бы он решил отключить ее сознание, он бы справился. Она бы осталась жива... а последний зонд улетел бы в пустоту. Возможно, Стефан сообразил, насколько это важно для нее... важнее, чем жизнь. А может, просто догадывался: за такое «спасение» Альда, очнувшись, убьет его, потому что иных целей у нее в жизни не останется.

Он сделал лучшее, на что был способен: оставил ее в покое, и она все-таки справилась.

Когда они наконец пересекли финальную черту, Альда даже побоялась в это верить. Из-за боли и усталости время шло иначе: растягивалось, сливалось в странное бесконечное полотно. Казалось, что она удерживает чудовищный груз не минуты или даже часы, а долгие годы, и предела просто нет, последняя черта – смерть.

Но вот время сжалилось над ней и вернуло привычный ход. Большая часть нагрузки отпала так быстро и неожиданно, что Альда чуть не упустила зонд, однако вовремя спохватилась. Впрочем, даже если бы она на миг ослабила хватку, ничего страшного уже не случилось бы, она сумела бы поймать металлическую сферу.

А все потому, что они вернулись в космос. Капсула по-прежнему двигалась и Шидонай по-прежнему находился рядом, но уже не имел над ними власти. Альда могла больше не тратить силы на защиту «Данте» и полностью сосредоточиться на удержании зонда. После всего, что ей только что пришлось пережить, это было такой мелочью, что смеяться хотелось... А не получалось, потому что сосуды пока не зажили, и при попытке безумного счастливого хохота можно было поперхнуться собственной кровью. Очередное напоминание о том, что за победу всегда своя цена, порой – куда более высокая, чем хотелось бы... Ведь с этого все и началось: с цены, которую Триан и остальные заплатили за победу на Марсе.

Теперь дожидаться подъема капсулы на борт «Северной короны» было несложно, но расслабляться Альда все равно не спешила. Она чувствовала, что колония все еще внутри зонда, однако не бралась сказать, какие повреждения прибор мог получить во время взрыва. Поэтому телекинетический контроль она не ослабляла, сфера по-прежнему была окружена защитным барьером.

К счастью, охранный контейнер уже был подготовлен. Он, привезенный еще с военной базы, представлял собой прозрачный куб с собственным компьютером и обилием датчиков. Не самый впечатляющий на вид прибор стоил дороже иных челноков – и не зря. Он мог не только сдерживать колонию внутри, но и обеспечить наблюдение за ней.

Именно туда Альда и поместила теперь зонд. Только когда компьютер сообщил, что герметичность обеспечена, телепатка наконец смогла вздохнуть с облегчением. Она бросила взгляд в ближайший иллюминатор, чтобы хоть как-то вернуть себе связь с реальностью, которая слишком долго была заменена полным сосредоточением на собственных способностях.

Снаружи все еще бушевал Шидонай, который, казалось, гневался из-за потери того, что на фоне его грандиозного размера было не песчинкой даже, а ничем. На внутренней стороне иллюминатора отражалась покрытая коркой запекшейся крови девушка, подозрительно похожая на покойницу. Альда сначала шарахнулась от нее, а потом только узнала себя.

Так что, когда к ней подбежал Кай, она даже не удивилась.

– Помощь нужна? – поинтересовался хилер.

– Нет, сначала Матео помогите, – покачала головой Альда. – Вот там действительно все плохо. А если останутся силы, обеспечите мне какие-нибудь витаминки.

– Ну у вас и семейка! – объявил Кай, а потом все же направился к капсуле.

Альда не сразу сообразила, что он имеет в виду, и только потом разглядела Делию. Телекинетик сидела на полу, привалившись спиной к стене и прикрыв глаза. Ее лицо тоже было покрыто тонкими полосами крови, пусть и не такими жуткими, как на лице Альды. Похоже, легендарная Делия устала настолько, что пока не могла даже поддерживать протез ноги...

Альда почему-то не ожидала этого, хотя следовало бы. Просто она, как и остальные, привыкла воспринимать Делию чуть ли не божеством, которое способно на все – причем шутя. Но Делия все равно оставалась человеком со способностями, а не мистическим созданием. Альде едва удалось недолго удерживать на Шидонае небольшой зонд, и даже это привело к легким внутренним травмам. Делия же вытянула оттуда тяжелую бронированную капсулу с тремя людьми... Многие после такого не выжили бы, так что даже ее нынешнюю усталость все равно можно было считать указанием на силу того самого околбожественного уровня.

Что ж... К своему обещанию отработать помилование беглая телекинетик определенно отнеслась серьезно.

Не спрашивая разрешения, Альда опустилась на пол рядом с Делией. Она впервые чувствовала определенное родство с ней – но не как с матерью, а как с солдатом, готовым сражаться несмотря ни на что.

Делия приоткрыла один глаз, залитый кровью, и слабо улыбнулась:

– А ты молодец. Лучше, чем я ожидала.

– Ты тоже, – отозвалась Альда.

И обе они в этот момент были честны.

* * *

Хилеры – это, пожалуй, самое разномастное подразделение специального корпуса. Электрокинетики, например, известны своей безбашенностью, телепаты – склонностью к интригам, киборги – уважением правил. А вот среди хилеров общую черту найти сложно... По крайней мере, так утверждают сами хилеры. Остальные с готовностью указали бы, что именно в этом подразделении обнаруживается больше всего шпионов, но хилеры на таком акцент не делают.

Если говорить только о чертах характера, то хилеры действительно очень разные – как жизнь и смерть. Одни терпеть не могут насилие, они считают, что должны служить защите здоровья и ничему больше. Другие используют точно такие же силы, что и у первых, для усиления травм и изобретения болезней. Это даже не всегда признак жестокости, порой в стремлении найти новые способы уничтожить жизнь читается исключительно спортивный интерес, как бы кощунственно это ни звучало.

Себя Римильда Фревилл относилась к тем, кто оказался посередине. Она не тяготилась насилием и знала несколько десятков способов лишить жизни любое существо. Однако ее научный интерес был связан скорее с исцелением, она одну за другой освоила несколько сложнейших специализаций. Их она тоже использовала в бою, считая, что любое знание должно быть применимо на практике, иначе оно бесполезно.

Поэтому на пару десятков человек, которым сегодня предстояло погибнуть, она смотрела без сочувствия, но и без злорадства. Римильда вообще не воспринимала их как людей, они имели не большее значение, чем мишени в тире. В иных обстоятельствах она бы, может, даже попыталась арестовать их, но на подземной базе это стало непозволительным риском.

Все эти люди сами выбрали свою судьбу, когда согласились стать диверсантами. Никто не использовал их вслепую, они летели на Марс, уже зная, что тут таится, и за очень большие деньги. Жалость им не полагалась...

В том, что это не очередная временная стоянка, а полноценная база, хилер и легионер даже не сомневались. Диверсанты заняли один из технических залов «Демиурга», сохранившийся на удивление хорошо. Чужаки сумели воспользоваться частью стационарных компьютеров, к которым подключили свои машины. Отсюда они могли следить за всеми датчиками и взрывными устройствами, которые привезли на Марс.

И здесь же они пытались разобраться, почему эти самые взрывные устройства вдруг исчезли. Датчики еще передавали сигнал, а вот управление бомбами оказалось утеряно. Судя по напряженным разговорам, диверсанты надеялись списать это на техническую неисправность. Но то, что на связь не выходили группы, ушедшие в темные тоннели, стремительно лишало их наивности.

Вот поэтому их нельзя было отпускать живыми. Разбегутся – и сделают то, после чего Марс уже не оправится. Жизни тех, кто пришел нести разрушение добровольно, значили для Римильды куда меньше, чем жизни гражданских, которые не были ни в чем виноваты, они просто жили на Красной планете.

– Оставляем кого-нибудь в живых? – только и спросила Римильда. Она заставила свой голос звучать так тихо, что уловить слова мог лишь обостренный слух легионера.

– В этом нет необходимости. Все, что надо, мы узнаем через компьютеры.

Римильда только кивнула, на этот раз она напала первой. Она, восстанавливаясь, чувствовала себя все лучше. Она вернула ту скорость, благодаря которой могла двигаться так же быстро, как капитаны. Здесь и сейчас она была хилером, который убивает, порой для спасения подходит только это.

Обычно она предпочитала использовать специальные иглы с ядом, ими она владела великолепно. Если не было их, Римильда применяла любые лезвия, и чем меньше – тем лучше, тем привычней. Но сейчас она шла в бой в чужой одежде, с голыми руками. Это не было проблемой – всего лишь обстоятельством, которое ей приходилось учитывать.

Диверсанты, разумеется, не ожидали ничего подобного. Это не стало их ошибкой или признаком небрежности, они подстраховались, как могли: выставили в коридорах дозорных роботов, датчики движения и камеры наблюдения. Всего этого было бы достаточно, чтобы вовремя заметить военный патруль.

Но кто же знал, что здесь окажутся два офицера спецкорпуса, да еще и высшего уровня? Римильда и Эстрид просто обошли ловушки и раскрыли свое присутствие лишь в основном зале.

Тем, кто оказался на пути Римильды первым и стал жертвой эффекта неожиданности, повезло больше – как бы странно это ни звучало. Они не успели начать сопротивление, не разозлили Римильду, и она не сочла нужным убивать их. Одному хилер сломала позвоночник, другому обеспечила закрытую черепно-мозговую травму, третьему повредила легкие. Все это казалось опасным, но было излечимо и даже давало пострадавшим немало времени, чтобы дожждаться помощи.

Остальные диверсанты быстро разобрались, что на них напали. Вряд ли они поняли, кто именно, для них Римильда была женщиной в такой же одежде, как у них самих. Но им было неинтересно, кто она такая, они не задавали вопросов, им оказалось проще сразу схватиться за оружие.

Это и стало их ошибкой: Римильда не любила, когда в нее стреляют. Особенно стреляют метко, так, что уклониться очень непросто. Она ушла от первой атаки, рванулась вперед, затерялась между своих противников. Двоих собственных товарищей они пристрелили сами, целясь в нее – она на такое и рассчитывала. Пока они разбирались, что к чему, в кровавой суете, Римильда добыла себе нож, который тут же покрыла ядом.

Это значительно облегчило ей жизнь: ближний бой всегда был ее стихией. Она двигалась безупречно: ни одной паузы, ни одного лишнего движения, а еще – никаких рывков. Ее битва

была плавной, словно танец. Римильде не требовалось наносить противникам серьезные раны, достаточно было одного пореза, и вот уже взрослый мужчина падает на землю, исходя кровавой пеной.

Она видела, что пугает остальных – до ярости, до паники почти. Они, может, и попытались бы убежать, но рядом кричали их товарищи, которым не повезло встретиться с Эстрид. Их крик эхом разлетался по коридорам, и казалось, что сейчас везде монстры и смерть.

Это заставляло диверсантов действовать отчаянно, и один даже попал в Римильду, скорее во внезапном приступе удачи, чем намеренно. Термозаряд прожег одежду, кожу и мышцы, опалил кость и повредил правое легкое. Проблемой это не было, Римильда небрежно нейтрализовала нападавшего, обеспечив ему сердечный приступ, и перешла на ограниченное дыхание. Она была уверена, что ее сил хватит еще на час полноценной битвы, не меньше.

Но ей так и не довелось узнать, правильно она оценила срок или нет. Отшвырнув от себя очередного диверсанта, Римильда с удивлением обнаружила, что противников у нее больше нет. Тут вообще никого нет, кроме нее, Эстрид и раненых... Причем счастье отделаться тяжелым ранением досталось только тем, кто оказался на пути Римильды. Те же, кого взяла на себя легионер, вряд ли когда-либо будут опознаны.

Кто-то другой решил бы, что Эстрид после контакта с существом поддалась звериной ярости, изменилась, она теперь опасна для людей – раз способна сотворить такое! Однако Римильда была далека от подобных подозрений. Хилер достаточно много общалась с высшими легионерами, чтобы не сомневаться: они почти все такие.

Ирония заключалась в том, что ярости в этом не было – и не было ничего личного. Эстрид действовала так, как требовала ситуация, и забывала о своих противниках в момент, когда они переставали быть живыми. Вот и сейчас она, с ног до головы покрытая чужой кровью, уже заняла место оператора за основным компьютером и просматривала собранные диверсантами данные.

Римильда пока к ней не лезла, в компьютерах она разбиралась не так уж хорошо. Хилер перетаскала немногочисленных выживших в одну часть зала, трупы собрала в другой. За это время она отметила для себя, где хранятся чистые комплекты униформы, но переодеваться пока не спешила, она не была уверена, что тяжелая работа на сегодня закончена.

После этого она снова подошла к Эстрид и напомнила о своем существовании вопросом:

– Ну что там?

– Похоже, мы зачистили базу от всех диверсантов, – отозвалась Эстрид, просматривая список имен на экране.

– Тут же нет фото, как ты распознала их?

– Посчитала по головам. Имена не имеют значения, среди наемников не было никого выдающегося.

– Диверсанты ликвидированы, бомбы мы убрали... Получается, можем наконец подняться наверх или хотя бы выйти на контакт с военными, порадовать их новостью о том, что мы живы?

Римильда хотела, чтобы ее голос звучал ровно, будто тема разговора не имеет для нее такого уж большого значения. Кажется, у нее даже получилось... Эстрид все равно поняла, что к чему, но хотя бы поводов придрасться нет.

На самом деле хилер давно уже игнорировала тот факт, насколько сильно ей хочется подняться наверх. Дело было даже не в том, какой ад она недавно пережила. Она рвалась к людям – и не просто к людям, а к своей команде, она спешила убедиться, что они выжили, увидеть их... *его* увидеть.

И Эстрид наверняка разделяла ее чувства хотя бы отчасти, она уже не раз на такое намекала. Но легионер все равно не двинулась с места.

– Нет, с этим лучше не торопиться. Само количество диверсантов вызвало у меня подозрения. Такую большую группу обычно не отправляют на разведку или даже теракт как таковой. Мои догадки подтвердились: у группы было три протокола действий, выбор зависел от обстоятельств.

– Что за протоколы?

– Первый – наблюдение. Изучение информации, добытой сканерами, пассивный контроль над существом. Вторым – теракт, который мы предотвратили. Третий – теракт и одновременное нападение на военных с целью похитить кокон, если он не будет добыт юридическим путем.

– Но и третий протокол уже невыполним – теракт невозможен! – напомнила Римильда.

– Верно. Но запуск третьего протокола предполагал сигнал снаружи.

– У них есть свои люди на Марсе?

– Очень может быть, и вряд ли это такие же диверсанты. Скорее всего, предатели в рядах флота, и нам нужно убедиться, что здесь нет на них указаний. Да и потом, меня волнует кое-что еще.

Эстрид вывела на экран несколько графиков. Римильда видела, что все они получены сканерами, размещенными в коконе, однако значения их не понимала. Ей оставалось лишь уточнить:

– Что это такое?

– Состояние внешней коры, – пояснила Эстрид, не сводя с экрана внимательных красных глаз. – Мне это не нравится. За последнее время количество трещин, появляющихся на коконе, увеличилось.

– Это может быть указанием на то, как выбрались я и ты. Я же была внутри, и, чтобы меня вытащить, кокон пришлось пробить!

– То был единичный случай. Есть и другое относительно безобидное объяснение: сканеры так распознали отверстия, просверленные диверсантами. Но есть и еще одно обстоятельство, которое могло стать причиной трещин.

– Существо просыпается, – прошептала Римильда.

Ее такой вариант приводил в ужас, превосходящий даже то, что она пережила в ловушке кокона. А Эстрид и сейчас умудрилась остаться спокойной, как скала:

– Верно, существо просыпается. Пока мы не убедимся, так это или нет, мы не имеем права выйти отсюда.

* * *

Сейчас Феликсу, пожалуй, полагалось пожалеть о том, что он ввязался во всю эту историю и так глупо подставился, но сожаления он не чувствовал. Он слишком хорошо понимал, что покинул бы спецкорпус при любом раскладе.

У него даже в детстве не было мечты стать наивно-туповатым защитником Вселенной. Узнав, что у него есть специальные способности, он хотел только одного: стать сильнее. Желательно – сильнее всех, чтобы никто не смел ему приказывать, но о таком Феликс не кричал. Он вообще до поры до времени оставался образцовым кадетом и солдатом. Он был достаточно умен, чтобы обойти все личностные тесты – даже телепатические. Он просто думал о той правде, которая была приемлема в космическом флоте: своем желании построить карьеру, заработать побольше денег, добиться славы. Во время обучения в академии у него не было совсем уж темных тайн, до которых могли докопаться телепаты.

Такие тайны появились уже после того, как он был назначен номером 1. В какой-то момент телепат посильнее смог бы отыскать в его памяти образы кричащих женщин, окруженных озерами крови, разорванных на части людей, полных ужаса глаз... Вот поэтому Феликс и

не подпускал к себе сильных телепатов. Он просто приплачивал тем, кто имел право поставить ему допуск, за то, что в его голову они не лезли.

Но он прекрасно понимал, что вечно это продолжаться не может. Однажды на каком-нибудь собрании он пересечется с тем же Верноном, которого невозможно ни подкупить, ни остановить. Телепат номер 1 все узнает, и добром это не кончится.

Так что Феликс начал готовить себе путь к отступлению. Он сам связался с главой оружейной компании «Стормгейт», рассудив, что только крупные частные корпорации могут стать ему достойными союзниками в противостоянии с космическим флотом.

Задание на Марсе должно было сделаться его билетом в новую жизнь. Феликс понятия не имел, зачем корпорациям понадобился созданный Легионом уродец, да и не интересовался. Эта штука не представляла непосредственной угрозы, он был достаточно силен, чтобы поднять ее, вот и все, что его волновало.

Он догадывался, что флот уже посматривает на него с подозрением, но верил, что пока дело ограничится наблюдением. Такие неудачники, как эта жирная корова Телила, или обладатели слабых способностей не имели значения, Феликс не обращал на них внимания... Откуда ему было знать, что киборг номер 1 тоже на Марсе?

Поражение до сих пор давило на него, обжигало унижением. Проклятая стерва... Радуетесь, небось, гордитесь, что так легко его победила! Интересно, ей хотя бы хватит мозгов понять, что это было чистым везением? Если бы они схлестнулись не в Новом Константинополе, а в менее технологичном городе, он бы победил, обязательно победил!

Впрочем, Феликс и сам осознавал, что история не знает сослагательного наклонения. Как только победитель и проигравший определены, все остальное теряет значение.

Он понимал, что не отомстит киборгу прямо сейчас. Ему нужно было убираться с Марса, пока его не нашли... Вот только он не знал, как. Нет, Цивана Парти, ставшая его связным, оставила ему рацию для экстренного контакта. Но это было в те времена, когда Феликс еще мог добыть для них уродца. Теперь он с заданием не справился, разоблачил себя, из ценного актива превратился в уязвимость... Конечно, он мог бы шантажировать их выступлением в суде, но шантаж – не лучшая основа для сотрудничества.

Феликс решил действовать по обстоятельствам. Он укрылся в одном из бункеров в пригороде Нового Константинополя и активировал рацию. Он не знал, сможет ли киборг засечь этот сигнал, у него просто не оставалось других вариантов.

Цивана могла и не ответить ему. Феликс не сомневался, что у корпораций есть и другие агенты на Марсе, причем не только у «Стормгейт». Возможно, о том, что он раскрыт, уже знают – и это паршиво. Феликс понятия не имел, что там ему приписали флотские, но никаких личных связей с корпорациями у него не было. Цивана не интересовала его как женщина, потому что с ней нельзя было делать то, что ему с женщинами делать нравилось. Ну а Цивану, кажется, вообще никто не интересовал, если речь не заходила о работе.

И тем не менее, она ответила ему. Феликс не стал выкручиваться и придумывать себе оправдания, рассказал, как есть. Цивана выслушала его с непроницаемым лицом, и лишь после того, как он закончил говорить, позволила себе укоризненно покачать головой.

– Ты подставился – и подставился знатно. А флот принял удачное решение, я и сама бы выставила против тебя киборга.

– Просто замечательно, теперь расскажи что-нибудь, чего я не знаю! – огрызнулся Феликс.

Его всегда бесила необходимость говорить на равных с тем, кого он мог раздавить одним усилием воли. Но в случае с Циваной у него и такой власти не было, собеседница находилась за сотни световых лет от него.

– Хорошо, расскажу, – согласилась она. – На Марсе ты стал бесполезен. Даже если мы окажем тебе поддержку, твои силы перестали быть козырем. Забрать тебя будет трудно: ты уже в розыске, планету мониторит киборг.

– Это все равно возможно!

– Возможно. Но зачем нам это?

– Потому что я силен, – терпеливо напомнил Феликс. Гнев, кипящий внутри, он показывать не собирался. – Может, здесь и сейчас они смогли подготовиться к моему присутствию, молодцы. Но нельзя быть готовыми ко всему!

– Похвально, что ты понимаешь главное: помощь придется отработать. У нас действительно есть способ увезти тебя с Марса. Но есть и задание, которое тебе придется выполнить немедленно. Ты готов принять такой расклад?

– Расклад как таковой кажется слишком простым и не соответствующим твоему могильному тону, – усмехнулся Феликс. – В чем подвох?

– В твоём поверхностном суждении. Это задание по определению не может быть простым, иначе нам не был бы нужен ты. Тебе придется рискнуть жизнью.

– И все? Я этим и так регулярно занимаюсь!

– Очень надеюсь, что ты нас не подведешь. Записывай координаты челнока, который увезет тебя с Марса...

Судя по мрачному виду Циваны, под «не подведешь» она имела в виду «не убьешь нас всех при первой же возможности». Волновалась она не зря: если бы Феликс захотел уничтожить всех, кто встретит его челнок в космосе, его вряд ли смогли бы остановить.

Но такого он пока не планировал. Он по-прежнему верил, что сотрудничество с корпорациями способно стать коротким путем к той жизни, о которой он всегда мечтал. Что же до задания... Он справится, так или иначе. Феликс прекрасно осознавал, что он на сегодняшний день сильнейший телекинетик во Вселенной.

* * *

Шарлотта подобрала для оценки собственной жизни очень простую шкалу: как бы отнеслась к этому Люси? Что сделала бы при таких обстоятельствах? Что сказала бы в такой ситуации? Может, это было не совсем правильно. Но прямо сейчас, пока Шарлотта по-прежнему была уязвима, ей нужна была именно такая система. Не идеальная, зато заставляющая почувствовать, что ее жизнь важна, ведь кто-то за ней наблюдает и поддерживает...

К тому же Люси помогла ей сдвинуться с мертвой точки. Подсказкой стал тот разговор с Верноном, и все равно у Шарлотты ничего не вышло бы, если бы не опыт, полученный при спасении подруги.

Люси ведь не была одной из ее марионеток. Морифирийская гиена до последнего оставалась абсолютно самостоятельным созданием. Чтобы обеспечить такое функционирование человеческого мозга в совершенно неподходящем для него теле, Шарлотте пришлось не только изменить сам мозг, но и создать немалое количество соединительной ткани. Эта ткань была родственна тканям легионера, но при этом нейтральна в плане контроля. Именно благодаря ей Люси свободно двигалась и принимала самостоятельные решения.

Впервые Шарлотта создала такую материю интуитивно. Она была в панике, у нее на руках умирала близкая подруга, легионер и вовсе запомнила тот момент смутно... Теперь она решила сотворить эту же материю осознанно, потому что кое-кому она оказалась очень нужна.

В Легионе всегда верили, что один воин не может стать донором для другого. При всех экспериментах это приводило к конфликту колоний, один легионер становился хостом, другой – марионеткой, или же дело завершалось серьезным психическим расстройством, которое

при такой силе недопустимо. Отсюда и возникло правило: никакого донорства, легионер либо справляется сам, либо нет.

Но ведь и то, что однажды проделала Шарлотта, не делал еще никто, тут Вернон был прав. Теперь она искала способ снова сотворить абсолютно нейтральную материю – чтобы снова передать другому.

Она прекрасно знала, в каком состоянии застрял Одхан. Он не умирал, но при этом его телу не хватало сил, чтобы восполнить потери. Сначала за ним наблюдали, потом приговорили... Оставалось выбрать дату полного уничтожения, но в том, что он не выживет, никто в Легионе не сомневался.

Кроме Шарлотты. Как только она поняла, что может его спасти, это стало ее главным желанием, той самой путеводной нитью, которая выводит из лабиринта. Может, сама Шарлотта и запуталась, стала бесполезной, но Одхан всегда был сильным, у него остались друзья – он нужен миру!

Она осознавала, что официального согласия на ее эксперимент никто не даст, поэтому решила о таком не болтать. Шарлотта просто пробралась в лазарет, заявив, что хочет попрощаться с Одханом. Ей поверили: все уже знали, что она подавлена, а еще – что именно она вынесла Четвертого из подземной базы. Ее сентиментальный поступок показался окружающим вполне логичным.

Шарлотта провела у кровати раненого легионера часы. Она разговаривала с ним, прекрасно зная, что за ними то и дело наблюдают. Ей нужно было, чтобы ситуация по-прежнему казалась понятной, чтобы никто не заметил тонкую трубку для переливания, по которой сотворенная Шестой нейтральная материя перетекала под кожу Одхана.

Она ни на миг не усомнилась, что Легион ее бы не похвалил, но в похвалах Легиона она и не нуждалась. Шарлотта не задумывалась о том, что она говорила вслух. По-настоящему важный диалог шел в ее мыслях: «Смотри, Люси, я справляюсь... кое-как. Я помогаю, я не опустила руки, ты все сделала не зря! Это ведь верно? Ты бы сказала, что я дура, но все равно разрешила бы мне так поступить?»

Люси улыбалась откуда-то из пустоты и все ей прощала.

А Одхан между тем поправлялся. Его организм с жадностью впитывал нейтральную материю, превращая в собственные клетки. Он напоминал Шарлотте охотничьего пса, которого слишком долго держали на привязи. Но вот его отпустили – и он сорвался, он слишком соскучился по движению!

В какой-то момент появление новых тканей стало очевидным, однако исцеление при этом не было завершено. Шарлотте пришлось отчитаться о том, что она делает. Она надеялась лишь на то, что победителей не судят, что теперь, когда конфликта донора и реципиента удалось избежать, ей позволят продолжить уже законно.

Конечно же, грянул скандал. Он грянул бы в любом случае, ну а теперь, после Марсианской Резни, он получился особенно истеричным. Администраторов не волновало то, что Одхан пока даже не пришел в сознание и уж точно не превратился в кровожадного монстра. То, что все показатели пришли в норму, тоже оставили без внимания. Шарлотту обвиняли во всех возможных грехах – от саботажа до предательства.

Она подозревала, что наказать ее по-настоящему не решились бы, высшим легионерам сейчас многое прощали – вон, Стефану вообще убийство ученого с рук сошло! Однако ей собирались запретить продолжение лечения, а это ее не устраивало, она чувствовала, что идет по верному пути.

Тогда, неожиданно для самой себя, Шарлотта обратилась к тому, с кого все началось. Она потребовала привлечь независимым экспертом Валентина Вернона. Ей попытались напомнить, что Легион очень неохотно задействует сотрудников спецкорпуса. Шарлотта парировала тем,

что отчаянные времена требуют отчаянных решений, спецкорпус – дружественная организация, да и вообще, хуже уже не будет.

Одни чиновники все еще бегали по потолку в истерике, но другие наконец-то включили мозги. Они сообразили, что появился реальный шанс вернуть в строй сильнейшего легионера, и на телепатическую проверку согласились.

Шарлотта тогда подумала, что Одхан, узнав об их планах, убил бы всех сразу – и ее, и Вернона, и администраторов, допустивших такое. Он бы вряд ли согласился... Но от него пока ничего не зависело.

Вернон отнесся к заданию серьезно. Улыбаться и изображать доброжелательного весельчака он мог сколько угодно, он не хуже других понимал, какой угрозой способен стать легионер, потерявший контроль. Поэтому он посвятил изучению разума Одхана не один час, а прошедшая с ним женщина, вроде как его секретарь, зачем-то взяла образцы крови из тканей, наращенных уже с помощью Шарлотты. Вердикт телепата был окончательным: угрозы нет, материя, созданная Шарлоттой, полностью подчиняется новому хозяину.

Ей позволили продолжить, ей теперь даже помогали, и наконец наступил тот день, когда Одхан открыл глаза... Уже в следующую секунду он вопил на врачей и срывал с себя медицинские датчики, требуя немедленно выдать ему новую форму, пистолет и две бутылки коньяка. Врачи пытались убедить его, что ему нужен отдых. Шарлотта в потасовке не участвовала, она наблюдала со стороны, улыбалась и думала лишь об одном.

Люси, смотри, у меня получилось... Ты ведь гордишься мной, правда?

Нельзя сказать, что Шарлотта пришла в себя и снова почувствовала радость жизни. Но она точно знала: Люси не хотела бы, чтобы она сдалась. Она была нужна Одхану и остальным, теперь – больше, чем когда-либо. И когда легионерам велели лететь на Землю, чтобы помочь Черной Армаде, Шарлотта сразу же согласилась.

Когда выяснилось, что именно ее появление спасло Тео, она почти не удивилась. Ее как будто намеренно сюда привели – в место, где она могла стать полезной, раз пока не научилась быть счастливой. Конечно, в подобных убеждениях сквозил мистицизм, который в Легионе никогда не поощрялся. Но Шарлотта рассудила, что это намного лучше депрессии, и осталась при своем.

Если она о чем и сожалела, так только о том, что не прибыла раньше, и Черная Армада потеряла немало хороших солдат. Но изменить это Шарлотта уже не могла, теперь ей предстояло дожидаться подкрепления вместе с Бенни.

Она эту девушку толком не знала, хотя видела раньше – на Феронии ее таскал с собой Стефан Северин. Шарлотта не особо присматривалась к напарникам других легионеров, у нее ведь была Люси... Теперь это не важно.

Она и сейчас не собиралась начинать долгую дружескую беседу. Бенни оказалась ей симпатична – своим упорством и нежеланием сдаваться... ну, и тем, что пережила общение со Стефаном без попыток придушить его. Однако дальше им предстояло работать по отдельности, и Шарлотта не видела смысла сближаться с ней.

Вот только Бенни решила обратиться к ней сама.

– Простите... я могу задать вам вопрос?

– Ты даже можешь сделать это, обращаясь ко мне на «ты», – позволила Шарлотта.

– Это покажется невероятным, но... Я не сошла с ума, честное слово!

Легионер, которая пару минут назад общалась с погибшей подругой, лишь пожала плечами:

– Я обычно не спешу использовать безумие как аргумент. Так что случилось?

– Мне кажется... Кажется, что Тео говорит со мной! Такое возможно?

Что ж, Бенни предвосхитила события: первым желанием Шарлотты действительно было назвать ее сумасшедшей. Но легионер пересилила себя, она расспросила собеседницу о подробностях, и ситуация стала крайне любопытной.

С одной стороны, Тео десятилетиями считался не разумным созданием, а чуть ли не простейшей формой жизни. Его изучили все – от других легионеров до телепатов. Его брат не раз пытался пообщаться с ним и потерпел неудачу! Разве это не делало ситуацию однозначной?

Ну а с другой стороны, Шарлотта слышала о некоторых особенностях анатомии Тео. У него не было единого мозга, который можно было объявить погибшим. Мозговые клетки оказались распределены по всей той странной массе, которую нарастило его тело. Для человека это было бы бесполезной мутацией, но для того, чьи способности строились на колонии...

Шарлотта ответила честно:

– Я не знаю. Теоретически – да, хотя это просто мое мнение.

– Но если есть шанс, что он разумен... Разве можно и дальше следовать плану? Я не знаю всех подробностей, и все равно понятно, что Тео погибнет!

– Скорее всего, да.

– Как так можно поступать с разумным существом?! – возмутилась Бенни.

– Мы не знаем, разумен он или нет. Но если да, если он и правда общается с тобой... Он хоть раз внушал тебе, что не хочет этого? Что ему страшно умирать, что он готов на все ради продолжения хоть какого-то существования?

Вот теперь Бенни, до этого пылавшая праведным гневом, смутилась. Она перевела взгляд на Тео, замершего на мобильной платформе, потом снова посмотрела на Шарлотту.

– Ну... нет. Такого не было.

– Вот и все, что важно, – кивнула легионер. – Если он действительно по-своему разумен, все понимает, но не возражает, плану тем более нужно следовать до конца. Это решение мы должны оставить за Тео.

Бенни насупилась, недовольная, но не готовая к продолжению спора. Шарлотта мягко улыбнулась – вот только не ей.

Смотри, Люси, я учусь. Я по-прежнему не понимаю то решение, которое ты приняла в самом конце.

Но я все равно живу дальше.

* * *

Существо, вырвавшееся из земли, было похоже на гигантского червя, внезапно обретшего скелет. Его тело было вытянутым, расплывающимся, как будто водянистым: под полупрозрачной белесо-розовой кожей легко угадывались органы. Казалось, что такая тварь должна только ползать, да и то с трудом, а она уверенно поднималась на высоту трех этажей. Причину искать не приходилось: и мышцы, и крепкие доспехи из костей выросли на него снаружи, придавая хищнику совсем уж неестественный вид – вид создания, вырвавшегося из чьего-то ночного кошмара.

Людей появление такого уродца привело бы в ужас, но людей здесь больше не было. Остались только роботы, которые восприняли мутанта не как опасность, а как обстоятельство. Гигантский червь? Понадобятся лазеры и пилы покрупнее, только и всего.

Его со всех сторон атаковали дроны: одни стреляли, другие пролетали между костей, пробивали гладкую шкуру и взрывались внутри. Червь издавал странные хрипящие звуки, пытался то обороняться, то уйти на глубину. Но обороняться было бесполезно, а на глубину его не пускала та самая звуковая волна, которая изначально заставила покинуть убежище. Он ведь не был активно нападающим хищником, скорее, выжидающим, потому и протянул так долго.

Но наступило время зачистки, и оставлять такую крупную тварь в столице Марса никто не собирался.

Червь проиграл довольно быстро, завалился на асфальт, потерял форму внутри собственных костей. Когда битва была закончена, боевые роботы отступили, их место заняли сервисные дроны. Одни деловито распиливали монстра на части, другие фасовали по стерилизационным пакетам, третьи грузили на мобильные платформы, которые должны были доставить останки существа на утилизацию. То, что раньше вызвало бы в городе хаос, стало вполне нормальным процессом.

Так Сина Лимаота проводила зачистку. Убедившись, что Феликс затаился и пока возвращаться не собирается, киборг номер 1 не стала сидеть без дела. Она методично избавляла город и от ловушек, и от чужих роботов, и от последних затаившихся тварей. Помощь ей в этом не требовалась, Сина вообще не спешила общаться со своими союзниками. Она показала только один раз – во время схватки с Феликсом, и то в виде компьютерной проекции. Ну а потом все переговоры за нее снова вела сестра.

Сине и не требовалось с ними общаться, она со всем справлялась сама. Остальных это устраивало – ни Киган, ни Рале не пытались присоединиться к охоте. Стерлинг – тем более, он никогда не находил такое забавным.

Так что и за гибелью червя он наблюдал с крыши гигантской высотки, сам не зная, зачем. Надеялся этим зрелищем отвлечься, а стало только хуже.

– Тут даже мутация проходит не по правилам, – проворчал Стерлинг.

Ворчать в последнее время хотелось все больше. И не ворчать даже, а сорваться, накричать на кого-нибудь, сделать что-нибудь... Но делать было нечего, и даже для крика не нашлось бы оснований.

Формально никто ничего не нарушил. Даже больше: Телила и Сина поступили, как следует, они наверняка выполняли приказ, данный руководством. С чего бы им отчитываться перед кем-то? Или открывать свой секрет раньше времени? Ну а то, что Стерлинг теперь чувствовал себя дураком, – его личная проблема.

Нет, а ведь как спрашивала, как доверчиво смотрела!.. «Что значит быть киборгом, что вы почувствовали...» Он отвечал ей честно, считая, что Телиле действительно важно узнать. А она, получается, насмеялась над ним, ведь у нее давно уже был источник информации куда надежней. Да и тот случай, когда Стерлинг вроде как спас ее... Что было настоящим, а что – нет? Сина, вероятнее всего, наблюдала за сестрой с самого начала – тут весь город в глазах камер! Она никогда не позволила бы Телиле пострадать, и большой вопрос, чего Стерлинг добился на самом деле.

Было обидно и унижительно – при полном отсутствии причин для официальных жалоб. Но Стерлинг теперь как никогда остро чувствовал: порой правила не только можно, но и нужно нарушать, потому что это по-человечески.

– Стерлинг, – донеслось у него из-за спины. – Мы можем поговорить?

Он знал, что рано или поздно Телила найдет его. Такова уж ее природа: она очень вежливая, она изучала стратегии переговоров и знает, что в коллективе не должно быть обид. Возможно, она подошла бы к нему раньше, но она теперь выступала секретарем Сины, ей нужно было многое объяснить комиссии и сообщить новые условия работы.

Стерлинг намеренно держался от нее подальше, хотя и себе не смог бы объяснить, зачем делает это. Он ушел в высотку, которую никто в их группе не использовал, ему хотелось уединения. А тут еще и обнаружилась обзорная площадка, расположенная на крыше. Маленький сад, в котором роботы сохранили живые цветы, крошечный пруд с крупными ярко-рыжими карпами, выведенными специально для Марса, плетеная мебель, большая ива, склоняющая ветви над грандиозной высотой...

Киборг надеялся, что это позволит ему успокоиться и снова вести себя правильно, да не сложилось. Внутри по-прежнему саднило.

– Я не думаю, что это хорошая идея, – сказал он, не глядя на Телилу. – У меня нет никаких претензий. Вы все сделали как нужно.

– Я думала, мы друзья...

Прозвучало как-то особенно робко, жалко... Стерлинг даже не ожидал от нее такого, хотя сам недавно думал о том же. Но одно дело думать, другое дело – произносить вслух, особенно если ты взрослый человек, да еще и офицер! Киборг не знал, искренность это или провокация, попытка проверить, пригоден ли он для службы. Теперь, когда Телила уже не наблюдает за Феликсом, у нее наверняка новое задание. Может, ей поручили оценить всех, кто находится рядом?

А даже если нет, Стерлинг не был настроен выворачивать душу наизнанку. Возможно, прямо сейчас за ними еще и Сина наблюдает, кто знает, что ее веселит?

– Думаю, нет смысла обсуждать такое, пока мы оба при исполнении, – только и сказал он.

– Посмотри на меня, пожалуйста.

– Я вас видел. Не думаю, что что-то изменилось.

– Мы уже и на «вы», да? – тихо и совсем невесело рассмеялась Телила. – Наверно, это правильно, но... я все равно чувствую себя виноватой. Мне редко хочется кому-то что-то объяснить. А сейчас хочется. Просто посмотри.

Стерлинг не выдержал, обернулся, но не увидел перед собой ничего особенного. Только Телилу, стоящую на дорожке из белых камней в окружении пестрых цветов. Она продолжала улыбаться ему устало и очень грустно.

– И что я должен был увидеть? – сухо поинтересовался он.

– Человеческими глазами – то же, что и остальные. То есть, ничего особенного. Используй медицинский сканер.

Хотелось снова спросить, зачем, но Стерлинг понял, что такими вопросами лишь потратит время зря. Он был достаточно заинтригован, чтобы сделать это, а если так, лучше сразу начать.

Он не знал, что увидит. Предложение Телилы поступило слишком неожиданно, он не успел построить ни одной теории. Хотя это было не так уж важно, он все равно не угадал бы, что таилось внутри самого обычного на вид тела.

– Господи, – выдохнул Стерлинг. Ничего другого на ум почему-то не пришло.

– Да, я умею производить впечатление, если нужно, – снова рассмеялась Телила, и в этом смехе слышался какой-то надлом.

Она не была человеком. Сначала Стерлингу показалось, что перед ним и вовсе стоит робот, но потом сканер все-таки обнаружил человеческую плоть. Вот только это было не тело, дополненное протезами, как в случае большинства киборгов, а именно небольшой фрагмент плоти, со всех сторон окруженный сложнейшей системой жизнеобеспечения, замаскированной под человеческое тело.

Находился этот фрагмент даже не в голове. Нет, голова была отдана процессору, сканеру и мощнейшему передатчику. Плоть размещалась на уровне грудной клетки, там проще было создавать для нее пригодную среду. Причем Стерлинг никак не мог понять, что же это такое: у фрагмента не было четкой понятной формы. Следовало настроить сканер, получить более точные данные, но от волнения у киборга ничего не получалось.

Он был настолько шокирован открывшимся перед ним зрелищем, что раздражение и обида мгновенно улетучились. Он не знал, что и думать, и никакие инструкции к такому не готовили. Он просто замер, ожидая, когда появятся те самые правильные слова.

А вот Телила контролировала ситуацию куда лучше, она заговорила первой:

– Ты не должен был узнать об этом. Эта информация считается секретной, в моем личном деле ничего подобного не отражено. По этой же причине имя киборга номер 1 не значится ни в одном списке, кроме особо секретных, доступных лишь высшему руководству спецкорпуса.

– Подожди... Получается, ты и есть Сина?..

– Нет, конечно, – покачала головой она. Теперь, когда Стерлинг знал, что ее лицо – часть машины, он не мог не поражаться тому, насколько совершенную разработку ей предоставили. – Я Телила. Но и Сина тоже здесь. Послушай... Это секретная информация, но у меня есть официальное разрешение сообщать ее тому, кого я выберу сама. Ты никогда не узнал бы случайно. Если бы ты использовал на мне медицинский сканер по своей инициативе, он бы сообщил тебе, что я – абсолютно нормальный, ничем не примечательный человек.

Стерлинг не сомневался, что это правда. Он даже знал, как такое проверить: компьютер Телилы был куда совершенней, чем тот, которым пользовался киборг. При попытке сканирования система отреагировала бы ложными данными, переданными на внутренний процессор. Идеальная цифровая иллюзия...

– Ну а хилеры? – спросил Стерлинг. – Они знают, кто ты такая?

Это было не так важно сейчас, но ему нужно было хоть как-то влиться в разговор, оправиться от шока, решить, что делать дальше. Телила, похоже, поняла это, молчать она не стала:

– Хилеров ко мне стараются лишней раз не подпускать. Сильные, конечно, знают, они и обеспечили мое существование. Ну а слабых я могу обмануть, испуская те сигналы, которые передает живой организм – и на которые они ориентируются. Они же не волшебники! Они просто считывают информацию на расстоянии. Теперь ты понимаешь, почему я не сказала тебе ничего в самом начале?

– Понимаю. Я не понимаю, почему ты говоришь это сейчас.

С ответом Телила не спешила. Она огляделась по сторонам, выбрала одно из плетеных кресел в тени навеса, немного неуклюже плюхнулась туда. На Стерлинга она больше не смотрела, она сорвала с ближайшей клумбы белый цветок и принялась рассеянно отрывать от него мелкие лепестки.

Но молчать она не стала. Голос звучал глухо, лепестки летели по воздуху, как невыплаканные слезы.

– Потому что я устала. Мне надоело быть чуть ли не единственной, кто знает об этом. Сина тоже знает, но... Она – образцовый номер 1. Ей нравится сражаться за флот, нравится выполнять приказы. Она только от этого и получает удовольствие, ее невозможно подкупить, как Феликса, и она никогда не предаст Землю. Но ее фанатичность означает, что поддержки от нее можно не ждать. Ты не подумай, что я так уж нуждаюсь в поддержке, просто... Бывает одиноко.

– Так ведь и я не лучший кандидат! – не выдержал Стерлинг. – В смысле, я не говорю, что не буду и не попытаюсь... Я просто не знаю, как это делается!

– А разве кто-нибудь по-настоящему знает?

– Другие, кажется, знают...

– Удачно притворяются, – вздохнула Телила. По этому вздоху никто никогда не заподозрил бы, что у нее нет легких. – Или оказываются в нужном месте в нужное время. Это вопрос опыта... Если ты понимаешь, через что прошел человек, тебе легче поддержать его.

– И ты думаешь, что я... понимаю? Мой опыт не так уж страшен по сравнению со многими!

– Может быть. Но мне показалось, что ты именно тот человек, который поймет. По многим причинам. Хотя ты не обязан слушать, я знаю! Не думай, что я давлу на тебя... Я просто пытаюсь объяснить, почему не была честна с тобой с самого начала, а теперь хочу быть честной. Но если ты захочешь уйти прямо сейчас, я пойму, я не буду настаивать.

Пожалуй, ему действительно следовало уйти. Стерлинг прекрасно понимал, что любая секретная информация опасна – даже переданная ему добровольно. Он обязан выполнять свои обязанности, а не становиться кому-то другом. Он в таком не эксперт, нечего лезть в зону чужой работы! Телиле следует поговорить с психологом или телепатом, если уж ей так тяжело, вот это по инструкции...

Но, даже все понимая, Стерлинг не ушел. Он опустился на кресло рядом с Телилой и тихо сказал:

– Ты можешь все мне рассказать.

* * *

Крупные корпорации стали самой популярной темой во всей межпланетной федерации. Их обсуждали на правительственном уровне, но такие разговоры по большей части оставались за закрытыми дверями. До журналистов доходили лишь обрывки информации, остальное приходилось придумывать, потому что правда в усеченном формате плохо продается, а жителям колоний нужно о чем-то говорить.

Страшные новости переплетались друг с другом: от участвовавших пиратских атак до секретных новых вооружений, от восстания на дружественной Итойе до внезапной эвакуации с Марса. А где Марс – там и Земля рядом! Угроза неожиданно стала близкой, ее нужно было понять, придать ей форму, с которой можно бороться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.